

Лев Голубев-Качура

ВЕДЬМА ИЗ НИКОПОЛЯ

Рассказы для детей
и юношества

Лев Голубев-Качура

**Ведьма из Никополя. Рассказы
для детей и юношества**

«Издательские решения»

Голубев-Качура Л.

Ведьма из Никополя. Рассказы для детей и юношества /
Л. Голубев-Качура — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933467-1

В детстве, я помню, соберутся у нас в доме три-четыре соседки: кто со своим вязанием, кто с вышивкой «крестом» или «гладью» — лузгают семечки, вертят прялки, иглой с цветной ниткой такие картины вышивают, что ой-ёй-ёй! Или спицами работают. А чтобы скучно не было, начнут рассказывать разные истории и «страшилки». А рассказы-то у них всё про ведьм, да домовых, да чертей с лешими. А мы, пацаны да девчонки малые, заберёмся на лежанку русской печи и слушаем, и слушаем. Нам интересно и страшно!

ISBN 978-5-44-933467-1

© Голубев-Качура Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ВЕДЬМА ИЗ НИКОПОЛЯ	7
ВЕЛОСИПЕД	21
АРЫСЬ	26
СЫНОК, ГЛАВНОЕ – НЕ БОЯТЬСЯ!	31
УТОПЛЕННИК	40
ЛЁНЧИК	47
МАЛЕНЬКИЙ НЫРЯЛЬЩИК	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ведьма из Никополя

Рассказы для детей и юношества

Лев Голубев-Качура

© Лев Голубев-Качура, 2018

ISBN 978-5-4493-3467-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В детстве, я помню, соберутся у нас в доме три-четыре соседки: кто со своим вязанием, кто с вышивкой – лузгают семечки, вертят прялки, иголкой с цветной ниткой такие картины вышивают «крестом» или «гладью», что ой-йо-ёй! Или спицами работают – вяжут детишкам рукавички или шарфики, а чтобы не скучно было, начнут рассказывать разные истории да страшилки.

А рассказы-то у них всё про ведьм да домовых, да про чертей с лешими. А мы, пацаны да девчёнки малолетние, заберёмся на лежанку, то есть на русскую печь, и слушаем, и слушаем. Нам, малышне, интересно.

Наслушаемся мы этих самых страшилок, а потом во сне нам разные ужасы-то и при-снятся. А иной раз так до утра и уснуть не можем от страха – мерещится чёрт знает что!

ВЕДЬМА ИЗ НИКОПОЛЯ

...Теперь только разглядел он, что возле огня сидели люди, и такие смазливые рожки, что в другое время бог знает чего бы не дал, лишь бы ускользнуть от этого знакомства...

(Н. В. Гоголь «Пропавшая грамота»)

Меня зовут Вера Качура. Фамилию «Качура» дед Константин придумал. Вообще-то, по-настоящему, у деда была фамилия Качур, но она почему-то ему не понравилась, и он сумел добавить в конце фамилии букву «а». Так и стали мы не Качур, а Качура.

А мне как-то всё равно, какая фамилия – что Качур, что Качура, главное, чтобы человек был хороший.

А дед у меня был хороший. Жаль недавно помер. Вышел на холод в одной рубашке гостей проводить, а на следующий день и слёг от простуды. Через три дня, не приходя в сознание, помер.

А мою подружку зовут Лизка Жупан. Замечательная дивчина – кра-са-ви-цаа, хоть куда! Она чернявая, как и её отец, а глаза жгучие, так и пылают, так и пылают костром, обжечься можно!

Соседи поговаривают, мол, у её отца корни турецкие и сам он турок, а его мать, баба Клава, чистейшая турка и ведьма, не иначе.

Когда Лизкиному отцу в разговоре намекают на его турецкое происхождение, он не сознаётся. Раскурит коротенькую трубочку-носогрейку, погладит шевелюру на голове, и так это, со смехом, отвечает: «Вот придумали, ей Богу, вот придумали... Я ж настоящий украинец, с места мне не сойти. И родился я тут, на Никопольщине, и вырос..., да хоть у кого спросите. И батька у меня украинец и дед тэж...»

А мать у Лизки такая же хохотушка, как Лизка, вернее, Лизка такая же хохотушка как её мать: весёлая, заводная, одним словом – душа компании!

Голос у Лизки звонкий, чистый, так и разливается колокольчиком, так и разливается. И красавица умопомрачительнейшая, настоящая украинка, ей Богу! Две длинные толстые косы уложит на голове короной и начнёт выступать словно пава, ну, ни дать, ни взять, принцесса королевских кровей! Ни один парубок, проходя мимо их дома, не пройдёт, чтобы не бросить на неё украдкой взгляд.

Вот Лизка уродилась какой красавицей, как говорится – «Ни в сказке сказать, ни пером описать!» А как же иначе? Думаю, всё же по-ро-да... турецкая сказывается!

Моя мама, когда я как-то пожаловалась ей на свою простецкую внешность, сказала: «Это у неё, у Лизки, от турецких кровей по наследству передалось. Но ты, Верка, красивее её, ты ж моя дочь. Ты, Ка-чу-ра! И, доча, дождись, когда мальчишки подрастут. Вот тогда они поймут, что помимо внешней красоты, есть ещё душевная, а это дорогого стоит! Так что не переживай, доню, будет и на твоей улице праздник!»

Будет, то будет, подумала я тогда, а вот сколько ждать-то его? Праздника сейчас хочется, а не потом..., в каком-то неизвестном будущем.

Правда, иногда и мне кажется, что я ничего себе дивчина, особенно после маминых слов, но... почему-то мальчишки продолжают больше за Лизкой бегать, а не за мной. Никак не хотят они мою душевную красоту увидеть.

Но мне, после маминых слов, всё же теперь как-то полегче стало, не так обидно. Представьте себе, ну вот нисколько не обидно..., ни даже чуть-чуть не обидно.

А всё же у меня, о-хо-хо, пока нет ухажёра..., настоящего.

Однако я даже рада за подругу. Я так себе говорю – дождусь момента, когда ко мне моя душевная красота придёт, и они её увидят, вот тогда посмотрим, красивая я, или нет!

Поговаривают горожане, правда, промеж себя, и чтобы Жупаны не услышали, что баба Клава приехала откуда-то со степей, от самого Чёрного моря, и с маленьким ребёнком на руках.

Они даже пытались, по-соседски, порасспросить – откуда? Да, как? Так баба Клава, говорят, так зыркнула своими огненными глазами на любопытствующих соседей, что отбила всякую охотку интересоваться её жизнью раз и навсегда. А, когда её малый вошёл в возраст, так баба Клава без труда высватала ему в жёны первую красавицу в Никополе – Лизкину маму, Оксану.

* * *

Подруги мы настоящие, не то что некоторые. Ну, хотя бы потому, что мы живём рядом, забор в забор, и ещё мы дружим так давно, что я уж и не помню сколько. И ходим мы в одну школу, и домашние задания вместе готовим, и вообще, у нас всё на двоих, как у настоящих подруг.

Сегодня мы тоже вместе, у нас. Готовим задания к завтрашним урокам.

За окном осень, прохладно, но в комнате тепло от жарко горящего камелька. Солнце почти село, и последний луч заката золотит оконное стекло.

Верка, пошла во двор, позвала меня, потягиваясь так, что аж косточки захрустели, Лизка. Ну что в самом-то деле, сидим как привязанные к этой географии. У меня уже глаза болят и голова как чугунок, пожаловалась она. Гудит, аж Боже мой, даже стучать колотушкой не надо!

Она медленно поднялась со стула, и ещё раз потянулась со сладким постаныванием. Ух, хорошо-то каак... Век бы эту географию не знать, добавила она вздохнув.

– Шуткуешь, Лизка. Как можно без географии? Вот скаженная! Да без неё, если хочешь знать, вообще никуда, – сказала я серьёзно.

– Ага, никуда. Назвал город, или государство какое и, пожалуйста, наше вам – куда хочешь, туда и доставят в лучшем виде, да ещё и спасибо скажут, – не согласилась подруга.

– Да ладно тебе, Лизка, придуриваться. У самой так одни пятёрки да четвёрки по географии. Это мне она даётся с трудом, но я же не ворчу с утра до вечера, как соседка, тётка Ганна. А отдохнуть и я не прочь. У меня тоже что-то в голове застопорилось-заклинило.

– Это не иначе, как от камелька, – засмеялась Лизка, – угорели мы. – Вот я и предлагаю, пошли во двор, подышим свежим воздухом, – и Лизка, делая разные «Па», пританцовывая, направилась к двери.

* * *

Во дворе... благодать! «Осенняя пора, очей очарованье» – пришла Верке на ум строчка из стихотворения.

Деревья ещё не совсем сбросили листву, и она, листва, разноцветными живыми мазками чуть пошевеливается на ветках. Солнце уже не так сильно греет, и природа, засыпая, готовится к зиме, теряя свой золотой царский наряд.

Вера стояла и любовалась окружающим: вот листочек с яблоней попрощался, отцепился от ветки и, показывая то коричневый, то золотой бок, стал планировать, словно самолётик, вниз. А вон там, на другой яблоне, стайка воробьёв о чём-то громко заспорили. А вот, по серовато-синему небу важно плывут две тучки, а третья никак не может их догнать...

Красота, но прохладно!

Она выскочила из дома вслед за подругой, не накинув на плечи вязаную кофту, мамин подарок, и её начала пробирать дрожь.

– Лизка, пошли в дом! Холодно!

– Вера, подожди, посмотри, что это? – как-то взволнованно ответила она.

Повернувшись в направлении вытянутой Лизкиной руки, Вера ничего нового для себя не увидела:

Метрах в двадцати, прижавшись к забору, стоял старый деревянный сарай, а вокруг него голые кусты чёрной смородины и малины. Одну половину сарая родители использовали как дровяник, а во второй, с небольшим оконцем, расположили курятник.

Эту половину, то есть, курятник, занимала куриная семья: горластый драчливый петух и пять курочек.

Ох, и вредина же был петух. Чужих людей на дух не переносил. Как только кто-то входил во двор, он тут как тут! Выскочит из засады, и давай клевать ноги.

Чистый вражина! Но кра-са-вец! Гордый такой! «Фу ты, ну ты, ноги гнуты!» – говорит папа про петуха.

– Лиз, я этот «пейзаж» сколько себя помню, каждый день вижу. Вот удивила!

– Дурёха, ты на окошко посмотри!

– А чего на него смотреть? Окно, оно и в Африке окно, – равнодушно пожала Вера плечами, – пошли в дом, я замёрзла.

– Да глянь ты! Неужели ничего не видишь? – рассердилась подруга, и даже ногой топнула.

Вера внимательнее присмотрелась к освещённой заходящими лучами солнца сараюшке, и неожиданно увидела, а может ей это померещилось:

Когда блеснул последний луч солнечного заката, и его блик отразился от окошка курятника... Господи! – ахнула она от удивления и испуга. Да, что же это?!

За стеклом пыльного окошка, в свете солнечного блика отражалось чьё-то страшно уродливое лицо. В первый момент она даже не поняла, что это человеческое лицо, а не морда какого-то там чудища-чудовища. И это лицо вперило в неё свой злобный горящий взгляд!

Господи Иисусе, сын божий! Сгинь нечистая сила! – испугавшись, закрестилась Вера.

Лицо, или уродливая маска, исчезло. Исчезло и солнце за крышей дома.

Ну, надо же, подумала Верка, дрожа то ли от холода, то ли от страха. До чего натурально! Не дай бог во сне такое страшилище увидеть!

– Лизка, ты специально меня напугала? Ну, ты дуурра! Так можно человека уродом на всю жизнь оставить. Не смей так больше шутить!

– Какие шутки. Я сама испугалась, чуть в трусы не написала. Шуу-тки-и..., тоже мне, скажешь.

Вера, глянув на побледневшее лицо подруги, поверила. Действительно, зачем ей пугать? Значит, то, что она увидела, то и Лизка увидела, только первой. Любопытно, чьё же это «лицо»? Ну и хотелось бы знать – это что, игра моего воображения, или так совпали тень и свет в пыльном окошке?

И вновь подняв взгляд на всё ещё бледную подругу, с не прошедшим испугом в голосе, спросила:

– Лиз, там, правда, был какой-то человек?

– Верка, ты что?! Там, точно, был человек, чем хочешь побожусь!

И тут до Веры дошло. Почему она раньше не сообразила?

– Лизка, – закричала она, – там бомж наших курей ворует! Побежали, поймем его!

– Неее, я не пойду..., боюсь.... А вдруг это не бомж, а...

– Трусиха! А ещё подругой называешься. Сама пойду, вот.

Обидевшись на подругу, Верка по тропке бросилась к сараю, но последние шаги к нему она делала не так бодро – её обуял страшный страх!

Часто посматривая на окошко, не появится ли опять уродливое лицо, она, делая короткие шаги и часто останавливаясь, медленно, с опаской, продвигалась вперёд.

Лизка, догнав её, тоже неуверенно следовала сзади и шептала:

– Вер, давай не будем заглядывать, а? Давай отца твоего позовём, а?

Но Вера упорствовала, ей хотелось быть смелой. Но обуявший её страх...

Лизка схватилась за её руку, и они, объединившись в одно целое словно сиамские близнецы, делая по полшага, стали продвигаться к двери курятника.

Лицо в окошке больше не появлялось.

Дверь была чуть-чуть открыта для курей и припёрта кольшком.

Значит, бомж не мог пролезть в узкую щель, чуть осмелев, решила Вера. Тогда, кто же там был, в окошке? Не могло же нам с Лизкой, почти одновременно, показаться одно, и тоже? Может, он залез через заднюю стенку, взломав её со стороны забора? – мелькнула мысль в её затуманенной страхом голове.

По-видимому, Лизка подумала о том же.

– Вер, – услышала она дрожащий Лизкин голос, – давай не будем заходить внутрь. Дверь почти закрыта. Может он с нашего двора залез, проделав дыру в заборе и стенке.

– Давай не будем заходить, – быстро согласилась Вера, машинально повторив Лизкины слова.

Ей совершенно расхотелось проверять, есть внутри кто-нибудь, или нет: она всё ещё находилась под впечатлением увиденного образа, и страх ещё не до конца покинул её. Но и идти во двор к подруге ей тоже, ой, как не хотелось, и она сделала вид, что последние Лизкины слова не расслышала.

– Лиз, а как же мы пролезем через чёрную смородину? – казалось, обеспокоилась она, взглянув на густо растущие, колючие кусты, словно вражеская пехота окружившие сарай.

– Я же говорю, давай с нашего двора посмотрим, – быстро повторила Лизка своё предложение.

Наверное, её тоже испугала перспектива лазания по кустам, решила Вера. Но и согласиться на предложение подруги она не могла, поэтому ответила уклончиво:

– Нее. Там баба Клава.

– Ну и что? Она добрая. Она ругаться не будет.

– Лиза, может она и добрая, но я её почему-то всегда боюсь. Давай через смородину.

Она никогда бы не призналась подруге, и надеется, никогда в жизни не признается, что бабу Клаву она боится до дрожи в коленках. Баба Клава так похожа на нарисованную в книжках бабу Ягу, так похожа.

И вот сегодня, когда Верка увидела лицо в окошке сарая, ей на мгновение показалось, что оно кого-то напоминает. А через секунду она уже знала кого. Это было лицо бабы Клавы! Но она не сказала об этом Лизке. Зачем ссориться с подругой.

Подруги, осторожно продираясь сквозь кусты, полезли за сарай. Поцарапались здорово! Никогда ещё на их телах не было так много вспухших, и даже кровоточащих царапин. А Вера даже платье порвала в двух или трёх местах.

За сараем всё было цело: забор, стенка сарая. Даже намёка не было, чтобы кто-то потревожил сумрачную, слегка сыроватую тишину. Их усилия по преодолению кустарника оказались напрасными!

Обратный путь сквозь колючки страшил Веру, но не век же сидеть у прочного, непреодолимого забора, и она, взяв Лизку за руку, потянула её назад, на тропинку.

Вернулись в дом. Лизка быстро засобиралась к себе. Уже накинув плащ, она скороговоркой, казалось, оправдываясь, затараторила: «Побегу, меня наверно заждались. Не скучай».

– А, как же уроки, – хотела спросить Вера, но её слова пропали втуне.

Лизка уже была за дверью и, вероятно, не услышала их. Вера лишь увидела, как её тень промелькнула мимо окна.

Что это она так заспешила, огорчилась Вера. Ещё есть время позаниматься, и произвольно бросила взгляд на настенные часы – всего-то половина пятого. Но, перебивая мысли

о подруге, в её сознании вновь возник увиденный в окне сарая образ, и по телу пробежал холодок.

Зябко передёрнув плечами, она села готовить уроки на завтрашний день.

* * *

На второй или третий день после случая с сараем, вечером, вся Веркина семья смотрела по телевизору праздничный концерт посвящённый «Дню работников автомобильного транспорта». Пела любимая папина группа, «Виагра». Маме же, наоборот, больше нравились «Вирасы».

Среди прекрасного пения девчонок Вере послышалось изредка раздававшееся, жалобное кошачье мяуканье. У меня галлюцинации, решила она, или на меня напала какая-то хвороба. Скосив взгляд, украдкой посмотрела на родителей – слышат ли они *то же*, что и она? Но они были, по-видимому, здорово увлечены концертом.

Нет, не слышат, поняла Вера. Значит, я заболела? – мелькнула в голове мысль. Ааа, как же школа? Выпускной класс? – непроизвольно закрутилось у неё в голове.

От этой непредвиденной неприятности её бросило в жар. Она поднялась, чтобы выйти во двор охладиться, а заодно и проверить, правда кошка мяукает или ей это послышалось из-за болезни?

– Вера, ты куда? – повернула голову мама.

– Пойду, подышу свежим воздухом.

– Накинь что-нибудь, на улице прохладно.

– Ладно, мам.

Не успела Вера полностью открыть входную дверь, как в комнату шмыгнула прелестная чёрная кошечка, и принялась тереться об ноги.

– Ты откуда, киска? – наклонилась Вера к ней, и слегка погладила.

Кошечка, громко замурлыкав, задрала хвост трубой и ещё сильнее стала тереться. В полутёмном коридоре было хорошо видно, как по кошачьей шкурке проскакивают голубые искорки.

Жалость прихлынула к сердцу Веры: бедная кошечка наверно заблудилась, подумала она и, продолжая поглаживать, спросила:

– Ты, наверное, голодная и замёрзла? – Пойдём, я угощу тебя молочком. Поешь, а заодно и согреешься, – и позвала кошечку за собой.

Казалось, кошка поняла её слова и, словно этот путь ей был хорошо знаком, побежала в кухню.

Вера достала из серванта блюдо и налила молока из трёхлитровой банки. Поставив на пол, ещё раз позвала:

– Кис, кис, кис! Иди, насыщайся бедолага.

Пока «бедолага» лакала молоко, Вера смотрела на неё и прикидывала, кому же может принадлежать это прелестное создание.

Может, она от наших соседей прибежала, подумала она? И, перебирая в памяти, решила – нет, ни у кого из близких им соседей нет похожей на неё. А может нам подбросил кто...?

Ааа, ладно, устав вспоминать, у кого какого цвета кошки, решила – оставлю пока у нас, если объявятся хозяева, отдам, если нет – будет моей.

– Вера, ты где? – сквозь раздающееся из телевизора пение Валерия Леонтьева, послышался голос мамы.

– Мам, я щас!

Дождавшись, когда кошечка долакала молоко, она взяла её на руки и пошла к родителям.

– Папа, мама, посмотрите, у нас появилась кошечка. Такая хорошенькая.

Отец и мать одновременно повернули голову в её сторону.

– Ты её на улице подобрала? Она может быть заразная! – проворчал папа, и вновь уткнулся в телевизор.

А мама почему-то взбеленилась, да ещё как взбеленилась! Даже папа удивлённо повернул к ней голову.

– Верка, немедленно выбрось её на улицу! Слышишь! Приблудных кошек в доме нам ещё не хватало! Убери, чтоб глаза мои не видели её! Слышишь? Немедленно!

– Ну, мам, пусть до утра останется, а завтра..., может хозяева завтра объявятся.

– Верка! Делай, как я сказала!

– Ну, мам, куда я её на ночь глядя, – заканючила Вера.

– Хочешь оставить?! Тогда унеси её в свою комнату, а завтра чтобы духу её здесь не было! Поняла?

Никогда Вера не видела маму такой рассерженной. Мама любила животных, и всегда первой привечала бездомных Жучек и Мурок, и никогда не оставляла их на произвол судьбы: старалась пристроить их к добрым людям, а сегодня..., словно бес в неё вселился...

Во время разговора Веры с родителями, кошка перестала мурлыкать, и повернула голову к маме. Казалось, она слушает и понимает, что они ведут разговор о ней. Когти на её лапках то разжимались, то сжимались и вся она напряглась. А, когда мама сказала, что её надо выбросить на улицу, она зашипела.

Успокойся, сказала Вера кошечке на ушко, я тебя в обиду не дам, и погладила её. Пойдём ко мне, я почитаю, а ты ляжешь спать в кресле.

Кошечка, словно понимая, что говорит ей Вера, успокоилась и вновь замурлыкала.

* * *

Ночью Веру разбудил истошный крик, раздававшийся из комнаты родителей. Кричала мама: «Брысь, чёртово отродье, брысь! Пошла вон отсюда! Вячеслав, убери её от меня!» – кричала она.

Вера кинулась в комнату родителей и, вбежав с возгласом – «Мама, что случилось?!», остановилась, поражённая представшей перед ней картиной:

Мама стояла на постели в порванной в нескольких местах ночной сорочке, а огромная чёрная кошка, раскрыв пасть и вперив в маму горящие холодной злобой глаза, вцепившись, рвала на ней рубашку и тело. Кровь капала из-под огромных, острых кошачьих когтей, мама кричала, кошка злобно шипела, а папа бил кошку ремнём! Ужас!

Вера стояла, и от напавшего на неё страха, и от непонимания происходящего, не могла пошевелиться.

После очередного папиного удара ремнём, кошка наконец-то отпустила маму, и с громким мяуканьем бросилась наутёк.

Мама, охая, направилась в ванную комнату промывать раны.

Вера пошла с ней, помогать, а папа быстро направился в кухню, искать аптечку.

Из-за поднявшегося ночного переполоха уже никто не думал ложиться спать.

Вернувшись в свою комнату Вера не нашла кошку. Она везде её искала, даже на платяной шкафу заглянула. Странно, куда она могла запропасться, подумала она? Может, ночью незаметно выскочила, когда кто-нибудь выходил во двор? И Вера вновь направилась в комнату родителей. Она решила спросить, а о чём спросить, она пока не решила. Спрошу, по ситуации, успокоила она себя, а там видно будет.

Папа и мама сидели на диване и обсуждали случившееся.

...Я сплю или, может, не сплю, рассказывала мама, только вижу, как в спальню заходит Веркина приблудная кошка. Заходит это она, и всё увеличивается и увеличивается в размерах. Пасть разинута, глаза огромные, и горят зелёным огнём. Потом она встаёт на задние лапы, подходит к постели и, представляешь, тянется лапами к моему горлу.

Я хочу закричать, но голоса нет. Она сжимает мне горло лапами, но это уже оказываются не лапы вовсе, а руки с когтями на пальцах. И надо мной, представляешь Слава, склонилась вовсе и не кошка, а соседка наша, баба Клава.

Комнату освещает полная луна. Я её тоже вижу, как-будто в доме нет крыши. По небу тучи, такие чёрные и огромные, несутся, и постепенно закрывают всё небо. Луна вроде бы как живая. Она убегает от туч, изворачивается, пытается пробиться, но это ей не удаётся, они её поймали и спрятали. Вокруг становится темным-темно.

Я так испугалась, так испугалась.

А соседка эта, турка, всё душит и душит меня, а потом наклонилась и хочет своими клыками в горло мне впитаться. Я начала вырываться, и в какой-то момент пришла в себя.

В комнате полутемно, а на груди у меня Веркина кошка: глаза горят, и горло она мне лапами сжимает...

Я закричала, и начала от неё отбиваться...

Ну, а дальше ты сам всё видел. Если бы ты знал, Слава, что я пережила. Не дай Бог другим такое испытать! И мама набожно несколько раз перекрестилась.

Тут она увидела вошедшую, и стоявшую истуканом дочь, и сразу же набросилась:

– Верка, где твоя кошка?! Немедленно выкинь её из дома! Слышишь, немедленно!

– Мамочка, нет её нигде, я во всём доме искала. Она, наверное, выскочила во двор, когда кто-нибудь выходил из дома...

– Вячеслав, ты выходил? – повернулась мама к отцу.

– Нет.

– Точно?

– Я же не лунатик. Конечно, не выходил.

– Верка, а ты?

– Нет, мам. Меня разбудил твой крик, и я сразу побежала к вам.

Мама замолчала, а Вера задумалась. Куда же пропала кошечка? Получается..., получается..., раз никто не выходил из дома и, по словам родителей, не входил..., то... на маму напала моя кошечка? Бред какой-то. Но, тогда, куда же она подевалась? Из дома родители не выходили, я тоже. Дверь заперта...

Чертовщина какая-то, помотала она головой от невозможности найти истину. Стоп! А кошка, напавшая на маму? Она-то как выскочила из дома при запертых-то дверях?

Если кто-то скажет, что её не было, что это игра больного воображения, так вот свидетель – мама, вся в пластырях и зелёнке. А, я? Я же тоже видела кошку, и папа... – он же поло-совал её ремнём...

От невозможности разобраться в происшествии у Веры разболелась голова и она, так и не задав вопроса, вернулась в свою комнату. Сон не приходил к ней, и она до утра не сомкнула глаз.

* * *

На следующий день по дороге в школу Вера рассказала Лизе о ночном происшествии. Слушая, Лизка охала и ахала, а потом высказала предположение – это к вам ведьма приходила, приняв образ кошки, а потом, бабы Клавы.

– Вот удивила! Можно подумать, я и сама об этом не догадалась, – съёрничала Вера.

– Баба Клава не ведьма, клянусь! – возмутилась подруга. Она очень добрая и ласковая, уж я то хорошо знаю.

– Тогда, кто приходил? – задала Верка вопрос.

– Нее знаюю, – ответила, пожимая плечами, подруга, – надо подумать. – Давай после уроков вместе подумаем, кто это может быть.

– Ладно, – согласилась Вера, – давай после уроков.

Но Лизкино предложение не успокоило Веру. Она так и просидела на всех уроках, ничего не слыша, и ничего не соображая. Всё о ночном происшествии с мамой думала.

Математичка, их классная руководительница, даже сделала ей пару раз замечание: «Качура, Вера, ты в каких широтах витаешь? У нас, если ты могла заметить, геометрия, наука точная!»

Вера, конечно, извинилась, но врубиться в теорему так и не смогла. Голова ведьмами была занята: они прыгали, катались на метлах и в бочках, скалили зубы. Образы менялись, но главное действующее лицо всё же было – баба Клава. А один раз даже Лизкина мать при виде лась.

Ну, это, уж ни в какие ворота, не лезет! – одёрнула Вера своё разыгравшееся воображение. Так можно чёрт знает кого в ведьмы записать, даже... Лизку. А как же, она же внучка бабы Клавы. И если хорошенько подумать, прикинуть, то всё сходится: баба Клава турчанка? Турчанка! Да ещё турчанка, неизвестно откуда появившаяся в наших краях. Дальше – Лизкин отец тоже турок? Турок. А мать Лизкина? Нет, тут я переборщила, одёрнула Верка себя и постаралась сосредоточиться на физике. Слава Богу, это был последний урок на сегодня.

Дома она ещё раз попыталась найти кошечку, все углы обшарила, даже на чердак слезла, и не нашла. Наверное, всё-таки убежала при ночном переполохе, а может, спряталась куда, и лишь потом убежала, решила Вера, и прекратила поиски. И ещё она подумала, если кошечка не убежала к себе домой, а спряталась в каком-нибудь укромном уголке, то, когда проголодается, придёт.

В доме никто не заводил разговор о ночном происшествии, даже мама ходила молчаливо, и лишь пластыри и зелёнка на её теле напоминали о ночном происшествии.

Вера не приставала к ней с расспросами и уточнениями, но в голове у неё начал зреть план, как вывести бабу Клаву на чистую воду, заставить её признаться, что она ведьма.

План, пришедший Вере в голову, был прост. Нужно было только дождаться полнолуния, затем, в полночь, пробраться во двор к соседям и заглянуть в окно. Вот тут-то она и увидит всё, а потом...

Вера не успела решить, как поступит потом, потому что её неожиданно сморил сон, и она, как сидела за своим столом с книгой в руках, так и уснула. Наверное, крепким был сон, потому что ничего ей в эту ночь не приснилось, даже ведьмы отдыхали, наверное. Она, правда, напрягая память попыталась что-нибудь вспомнить, но ничего так и не получилось.

* * *

Лиза, попрощавшись с Верой у калитки своего дома, вошла во двор и увидела сидевшего на крыльце отца. Он выглядел подавленным, в глазах стояла грусть и, что её больше всего удивило, не курил свою неизменную трубку.

Это было невероятно! Чтобы у отца, да не торчала между зубов трубка, или, она не испускала ароматный дымок у него в руках..., такого сроду не бывало. Сколько Лиза себя помнит – папа всегда был с трубкой во рту или в руках.

Дома что-то произошло, заволновалась она. И не входя в дом, бросилась к отцу:

– Папа, что с тобой? Ты, почему сидишь на холодном крыльце, а не заходишь в дом? Простудишься! Ты же только избавился от гриппа!

– Маму увезли в больницу... на скорой помощи, – грустно ответил он.

– Ты, что говоришь? Я же с ней утром, перед уходом в школу виделась? – удивилась она.

– Прости доча, я сам не знаю, что говорю. Мою маму, твою бабушку, увезли.

– Папка, вставай, пошли в дом, а то опять заболеешь. Давай, поднимайся, я тебе помогу.

Лиза помогла отцу подняться, а почувствовав, какой он ещё слабый после болезни, положила его руку на своё плечо и повела в дом.

– Папа, садись на диван. А мама, где? С бабушкой уехала? Подожди, я сейчас.

Лиза быстро переделалась в своей комнате, и села рядом с отцом.

Лиза любила отца, и маму она любила, и бабушку. У них была очень дружная, крепкая семья. И поэтому, если что-то случалось с кем-то из её членов: неприятности по работе, болезнь, или даже Лизина тройка в дневнике – все переживали, и всегда старались помочь.

Бабушка была ещё не очень старой, так думала Лиза, и неожиданная её болезнь, очень расстроила Лизу.

– Папа, так что случилось с бабушкой?

Отец достал из кармана трубку и попытался её раскурить.

– Папа, она же без табака.

– Да?

Лиза поняла, отец очень расстроен, раз не заметил этого. Сходила в кухню и принесла коробку с табаком.

– Спасибо, доча!

Отец набил трубку, раскурил, и надолго задумался.

Лиза, не вытерпев молчания, затормошила его.

– Папа, рассказывай. Почему бабушку увезли.

Он пожал плечами.

– Я, Лиза, сам не пойму, что с ней случилось. Она же все эти дни прекрасно себя чувствовала. Да ты и сама знаешь, а тут... Ты ушла в школу, Оксана занялась стряпнёй, всё было нормально. Мама, то есть, твоя бабушка, не вышла к завтраку. Мы забеспокоились. Оксана пошла к ней и...

– И, что?

– Она лежала и охала. Всё тело было покрыто тёмными пятнами... А ведь вечером, перед сном, ничего такого у неё не было... Она же ни на что не жаловалась...

Отец, пару раз пыхнув трубкой, опять помолчал.

Лиза с нетерпением и всё возрастающим беспокойством, ждала продолжения рассказа.

...Мы с Оксаной испугались за неё и сразу вызвали скорую помощь, докончил свой рассказ отец, и в хмуром недоумении покачал головой.

– Папа, я побегу к бабушке, может помочь, чем надо?

– Не надо. Мама позвонила, скоро придёт и всё расскажет.

– Так ты, сидя на крыльце, маму ждал?

– То так, Лиза.

Мама долго не приходила и Лиза всё ждала её и ждала. А, когда Лиза совсем уж собралась идти в больницу, скрипнула входная дверь и вошла мама. Лиза сразу бросилась к ней.

Пока ничего неизвестно, поспешила ответить мама на немой вопрос о состоянии бабы Клавы. Результат анализов будет готов только завтра, к обеду. Они затрудняются делать какие-либо выводы без анализов, сказал врач, но они всё сделают, чтобы определить и вылечить. Будем ждать. Раз врач просит подождать, то, что мы можем сделать? Только ждать и надеяться.

* * *

Сегодня Лиза не пришла в школу, и Вера решила зайти к ней сразу после занятий, узнать что случилось. На стук в калитку, вышла Лиза. Выглядела она очень расстроенной.

– Лиз, ты чего в школу не пришла, заболела что-ли?

– Нет, не заболела. Заходи.

– Ааа... баба Клава?

– Чего ты её так боишься? Нет её дома, в больнице она, – ответила подруга, и глаза её увлажнились.

В отсутствие бабы Клавы Вера чувствовала в Лизином доме себя свободно и, услышав, что её нет дома, смело пошла за подругой.

Дома были только её родители. Они сидели за столом, без всегда восседавшей во главе стола хозяйки дома.

– Здравсьте, тётя Оксана! Здравсьте, дядя Тарас! – поздоровалась Вера, и направилась вслед за подругой в залу.

– Здравствуй, Вера, проходи, проходи, – откликнулась хозяйка дома. Давненько у нас нэ була. Як родители, здоровы?

– Спасибо, тётя Оксана, у нас всё хорошо, – полуобернулась Вера, чтобы ответить на вопрос Лизиной мамы.

Вера решила не рассказывать родителям Лизы о ночном происшествии с мамой. Знала, предупреждённая вчера Лиза, тоже ничего им не рассказала.

– Лизка, ты чего в школе-то не была? – повторила она вопрос, когда они остались одни в комнате.

– Я ж тебе говорю, бабушка заболела, были у неё в больнице и только сейчас вернулись оттуда.

– А, что с ней?

– Даа... какие-то непонятные пятна появились на теле. Пока неизвестно откуда они, анализы не готовы.

Вера, как только услышала про пятна на теле бабы Клавы, сразу же насторожилась. Неужели Лизка до сих пор не догадалась, откуда пятна – приподняла она удивлённо брови? Они же от ударов папиного ремня – моего папы!

Она как сейчас видит – папа полусует кошку ремнём, а та изворачивается и, показывая острые зубы, злобно шипит.

– Лиза, ты не думаешь...

– Нет, нет, и нет! – возмущённо прервала подруга Веру. Ты, что, совсем рехнулась? Даже не вздумай вслух произносить такую крамолу про мою бабушку, иначе рассоримся навсегда, и ты мне больше не подруга!

Вера замолчала. Настаивать на своём предположении она не стала и, поговорив ещё несколько минут о том, о сём (разговор не клеился), попрощалась. А ещё через минуту Вера была дома.

* * *

В доме стояла тишина. Лишь несколько мух, не уснувших на зиму, вились под потолком и жужжали. Отец с матерью были на работе, и Вера, примостившись с ногами на диван, стала вспоминать события прошедших дней: о приبلудной кошечке, о случае с мамой, и о тёмных пятнах на теле бабы Клавы...

И что же мне со всем этим делать, спрашивала она себя, как поступить: заявить в полицию, или пойти в церковь и рассказать всё батюшке Иоанну? В полиции, ясное дело, не поверят, и ещё могут поднять на смех, а батюшка...

Она сидела, и не находила ответа ни на один вопрос.

Неожиданно перед её взором промелькнул образ соседки, тётки Ганны. Вот кто поймёт и советом поможет, подумала она. Богомольная женщина. Всегда одетая в какую-то хламиду тёмного цвета, голова опущена, говорит тихо, на людей глаз не поднимает, всё в землю смотрит... – святая женщина, не иначе!

Но тут ей вспомнился разговор матери с тёткой Оксаной – она совсем нечаянно подслушала их разговор. Тётка Оксана тогда говорила – «Шось я ни як нэ пойму нашу соседку, вроде як богомольная, а в церкви я ще ййии ни разу нэ бачила».

Что ответила мама, Вера не услышала, торопилась в школу.

Выскочившее из прошлого воспоминание несколько поколебало её уверенность в обязательности посещения тётки Ганны. Но надо же было с кем-то посоветоваться. А кто, как не тётка

Ганна, может быть более сведущим в ведьмах, бесах, и прочей нечисти? Она же с богом разговаривает, а тот всё знает, и конечно же подскажет, как поступить – и Вера решилась.

Накинув платок, она вышла из дома.

* * *

Вера стояла у калитки, и всё никак не решалась дёрнуть за верёвочку на щеколде, или постучать.

Я же пришла сюда, чтобы найти ответ на свой вопрос, или хотя бы получить совет, так чего же я стою? – уговаривала она себя. Но почему-то дрожь, только при одной мысли сделать решающий шаг, охватывала её.

Рука, потянувшаяся было к щеколде, застыла, так и не прикоснувшись к ней.

Чего я испугалась, спрашивала себя Вера, подумаешь, ни разу не была у соседки, не съест же она меня? Спрошу и уйду, делов-то, неуверенно твердила она, стараясь набраться храбрости в своих словах.

Она стояла, и ни на что не могла решиться. Уйти без ответа на свой вопрос она уже почему-то не могла, и войти в калитку смелости не хватало. Сколько можно стоять, спросила Вера себя? Вдруг кто-нибудь увидит: смеяться будет, а ещё хуже, задразнит – трусихой будет называть. И Вера, решившись, потянула верёвочку на щеколде.

Она шла по тропинке, с обеих сторон заросшей чертополохом и бурьяном. Кое-где видны были огромные листья лопухов, и ещё каких-то неизвестных Вере растений, и они..., и они, казалось, следили за каждым её шагом.

Вера так испугалась, что, не выдержав охватившего её страха, стремглав бросилась к двери дома, и даже не заметила, как очутилась в комнате перед улыбающейся соседкой.

– Здравствуйте, тётя Ганна! – всё ещё дрожа, поздоровалась Вера. Я к вам..., к вам..., к вам... за... советом, пролепетала она заикаясь.

– Нэ турбуйся, касаточка. Я тэбэ давно дожидаюсь. Чого мэнэ бояца, я ж нэ кусаюсь.

– Да я... и не боюсь вовсе, – солгала Вера.

– Я бачу, шо нэ бойися. Сидай, зараз я тоби чаю налью, та ватрушечку дам. Пойиш, а тоди и побалакаем.

– Да я не хочу, спасибо! Я недавно поела.

– Ничого, ничого, сидай поснидай! Колы ще попробуешь моих ватрушек. Ось ще, – старушка подвинула поближе к Вере вазу с леденцами, – цукерки покуштуй, гарни цукерки я зробыла!

И она *так* посмотрела на девочку, что у Веры сразу отпала охота перечить.

Чай был ароматным. Настоянный на каких-то, то ли лесных, то ли полевых травах, он издавал неповторимый запах, и вкус у него был приятный. А вот ватрушка..., мама лучше печёт, решила Вера, с трудом проглатывая последний кусочек.

Она подняла, почему-то вдруг отяжелевшую голову, чтобы поговорить с тётей Ганной, как вдруг всё поплыло перед глазами, закружилось, замелькало...

Что это со мной, только успела подумать она? А стены комнаты уже исчезли, и они, с тётей Ганной, оказались на какой-то поляне в дремучем лесу.

Тётя Ганна начала горбиться, горбиться, лицо её сморщилось, и она приняла образ бабы Клавы. Через мгновение помолодела, и перед Верой уже стояла тётя Оксана, а ещё через некоторое время, рядом с ней приплясывала гопак, весёлая, жизнерадостная Лизка, её подружка.

А потом..., а потом..., Лизка превратилась в милую чёрную кошечку.

Вера смотрела на все эти превращения тёти Ганны, а в голове, усиливаясь и усиливаясь в громкости, перебивая мысли, раздавались слова:

– Хочешь так же уметь делать превращения? Я тебя научу, касаточка. Только слушайся меня...

Слу-шай-ся... , завывло в лесу на разные голоса, и эхо, затихая, ещё долго-долго повтोरало: «Слу-шай-ся! Слу-шай-ся! Слу-шай-ся!»

– Так вы, тётя Ганна, ведьма? – насмелилась спросить Вера у соседки, и сразу поняла – могла бы и не спрашивать, и так всё ясно.

В ответ раздался хохот, и этот хохот, не утихая, нёсся со всех сторон.

Вера обвела взглядом поляну – вокруг неё скопилось столько разной нечисти, и все они, словно безумные, выделявали что попало: окружив её и тётю Ганну кольцом, визжали какие-то, похожие на свиней, уродцы; блеяли и трясли бородами козы; ухали сидящие на ветвях деревьев совы...

А рядом с ней, взявшись за руки, строили рожи и подпрыгивали на козлиных ножках с копытцами, черти.

Вера совсем перетрусилась и, озираясь вокруг, искала, куда бы убежать и спрятаться.

– Ты не бойся, они добрые, – словно из пустой гулкой бочки, услышала она слова, раздавшиеся ниоткуда. – Я тебе ещё кое-что покажу. Садись.

Не успела Вера сообразить, на что садиться, а перед ней уже появилась метла, и сразу же заплясала. Вера читала в книгах и видела в каком-то фильме, как ведьмы летают на метле, но чтобы самой...

Ой, как страшно, прошептала она, и зажмурила глаза.

– Не бойся, Вера, прыгай на неё, – прозвучал тот же голос.

Вера открыла глаза, приловчилась и поймала метлу. Затем, подпрыгнула, оседлала её, и в тот же миг оказалась высоко над лесом.

Она от страха опять закрыла глаза, а потом, набравшись храбрости, открыла один глаз, затем, другой.

Интересно же, как это летать на метле и ничего не увидеть, решила она, пересиливая страх.

Вначале она очень испугалась высоты, и судорожно ухватившись за ручку метлы, чуть не закричала – «Ма-ма!» Но метла вела себя достойно, не трясла её и не старалась сбросить с высоты.

Вера не падала, а быстро летела и, тогда, чуть-чуть осмелев, она стала озираться вокруг.

А вокруг...

Всё небо над ней было усыпано танцующими звёздами, а под ней быстро проносились леса, реки, озёра. Сбоку, справа и слева, летели свиньи, козы, упыри, даже те два танцующих и кривляющихся чёрта летели, устроив игру в догонялки...

А вот показались какие-то..., Вера присмотрелась внимательнее: да это же ведьмы летели – старые сгорбленные старухи; молодые девушки; и совсем ещё малые девчонки.

Летели, кто на чём!

Кто метлу оседлал, кто, отталкиваясь ухватом, расположился в бочках или корытах, а одна, так вообще летела на кочерге.

Вокруг всё ухало и стонало, свистело и визжало, и ещё какие-то непонятные звуки раздавались – Вера сразу и не сообразила, что это звуки сирены, как на полицейской машине или скорой помощи. Вот здорово-то, как! – радостно засмеялась она. Ух, ты-ы! Вот это полёт, не то, что на самолёте! Это поинтересней будет!

Внизу показалась огромная котловина. Посредине полыхало кострище, а вокруг бесилась тьма-тьмушая разной нечисти.

Её бесовское сопровождение кучей ринулось вниз, и свалилось на головы присутствующих на шабаше. А она побоялась, и чуть-чуть притормозила: садиться-то было некуда, всё было занято – у костра образовалась «куча мала».

Вера плавно приспустилась пониже и, немного полетав над деревьями, нашла за большим развесистым деревом, среди кустов смородины, небольшой, не заросший кустами, пятючок земли. Туда она и приземлилась.

Очень удачно получилось, решила она. Меня никто не видит, а я вижу всё.

Метла, приплясывая, тут же удрала от неё, и куда-то пропала. Аа-а, как же я назад вернусь, мелькнуло в голове? И мгновенно исчезло, вытесненное открывшейся перед ней фантазмагорической картиной.

Ух, ты! Ох, ты! Вот это даёт! – чуть ли не каждую секунду восклицала она, смотря на проделки нечисти круглыми от любопытства и страха глазами.

А посмотреть было на что!

Возле костра, поддерживаемый четырьмя чертями, стоял деревянный, с подлокотниками и подголовником, трон, а на нём восседала главная ведьма – горбатая, с распущенными седыми космами, и горящими бесовской злобой, словно в безумии, глазами.

Не иначе, как областного масштаба ведьма, решила Вера, увидев, с каким почтением обращалась к ней другая, меньшего ранга, нечисть.

Тут, прилетевшие с ней ведьмы, бросили в костёр какую-то траву, и костёр чуть приуявля, а затем закурился жёлтым с прозеленью дымом. Вся присутствующая на шабаше нечисть бросилась к этому дыму.

Наверное, волшебный, или как у нас, у людей, наркотик какой-нибудь, сразу догадалась Вера.

И ведьмы, и нечисть – толкались, дрались, царапались и кусались, выдирали друг у друга на головах волосы, стараясь поближе подобраться к дыму. Визг поднялся такой, что Вера присела и руками уши закрыла.

Дым, заполняя котловину, скрыл от её взгляда Содом и Гомору. Он поднимался всё выше и выше. Затем, над дымом, как исполин из пены морской, поднялась голова главной ведьмы. Она грозно хмурила брови, глаза её пылали огнём, откуда-то появившийся ветер развеивал её седые космы.

Вера зажмурила глаза от страха, но любопытство пересилило, и она опять начала смотреть.

А в котловине началась буря: раскаты грома глушили все шумы вокруг, сверкали разноцветные молнии, деревья гнулись, а те, которые не выдерживали напора бури, ломались и падали, подминая под себя кустарник.

Вера сидела на корточках среди кустов смородины, смотрела на разгулявшуюся стихию, и не знала, как ей отсюда выбраться, чтобы уцелеть. А буря набирала силу! И среди грохота, воя ветра и блистающих молний, голова ведьмы поворачивалась в её сторону. Огненный взор всё ближе и ближе приближался к Вере.

Из раскрытого рта показались страшные клыки..., и вот, над клубящимся дымом появились руки, увенчанные длинными, скрюченными пальцами с огромными когтями. Эти когти сжимались и разжимались, сжимались и разжимались, как тогда, у кошечки...

Сейчас увидит, сейчас увидит! – задрожала от страха Вера и, вскочив, побежала прочь от этого, горящего злобой, ищущего взгляда. Но бежать было трудно. Она чувствовала, что не успеет спрятаться за деревьями и тогда...

Колючие кусты цеплялись за одежду, вырывая клочьями, косы распустились, и волосы, запутавшись среди колючек, больно дёрнули голову назад, и остановили её сумасшедший бег.

Вот теперь всё, решила она! Не убежать! Теперь уж точно – всё! Она опустила голову, и перестала сопротивляться.

Меня поймали, с горечью подумала она. Зачем я только пошла к соседке, тёте Ганне? Зачем?

– Среди нас человек! – закричала ведьма, так громко, что заглушила все остальные звуки вокруг. – Смотрите, смотрите, вот она! – и показала пальцем на Веру.

Дым моментально рассеялся, ветер стих, только изредка, ворча, погромыхивал гром, да блистали молнии. Вся нечистая сила повернулась в сторону Веры, и видно было, они ждут только знака или приказа от ведьмы, чтобы броситься на неё и растерзать!

Вера закрыла глаза и прошептала: «Господи, помоги мне! Не дай, Господи, этой нечисти растерзать меня!»

И вдруг всё утихло. Наступила такая тишина, что Вера даже подумала, не умерла ли она от страха?

Она осторожно приоткрыла глаза и огляделась вокруг – ни каких ведьм, ни какой нечисти!

Я не умерла, растерзанная на шабаше, я живая, воскликнула она!

Да, никаких ведьм и нечисти вокруг не было. Она лежала в своей комнате на диване, а через окно, наполняя пространство, заползали вечерние сумерки.

Стукнула входная дверь. Наверное, мама вернулась с работы, подумала Вера, но всё ещё находясь под впечатлением виденного кошмара, непроизвольно вздрогнула.

– Вера, ты не слышала, отчего это тётя Ганна решила дом продать? – Уж не собралась ли она куда-то уезжать? – спросила мать из прихожей.

– Нет, не слышала, – ответила Вера.

А сама, словно освободившись от тяжёлой ноши, прошептала: «Вот и хорошо, что уезжает. Только ведьм нам не хватало в соседях».

И счастливая улыбка легла на её лицо.

ВЕЛОСИПЕД

Глава первая

С какой завистью я смотрел на соседа, Тольку Волкова, когда он, с шиком крутя педали своего «Железного мустанга», пронесется мимо нас. А потом, метров через двести-триста, развернувшись в обратном направлении так круто, что из-под колёс летела пыль, несётся назад, в нашу сторону.

Рубашка на спине надута пузырьём, ворот расстёгнут, а ноги, в сандалетах и с одной закатанной штаниной, так и ходят ходуном, так и ходят – вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз.

Вы даже представить себе не можете, как красиво выглядит человек сидящий верхом на блестящем в лучах солнца велосипеде. Да что там в «лучах солнца», он и в дождь смотрится прекрасно!

Толька живёт от меня через два дома – на противоположной стороне улицы. Ну, как-бы это понятнее объяснить? Наш дом стоит на той стороне улицы, где чётные номера, а его дом на той стороне, где нечётные номера, и к тому же его дом стоит ближе к центру города.

Он этим здорово хвастается передо мной. А мне на это наплевать с высокой горы! Подумаешь, два дома туда, два дома сюда. Какая разница, правда? А вот на что мне не наплевать, так это на отсутствие у меня такого же красивого велосипеда. Господи, как я страдал-переживал!

Ему родители купили велосипед на день рождения, и в честь окончания пятого класса без троек в свидетельстве, так они сказали моим родителям, когда были у нас в гостях.

Подарок на день рождения – это я понимаю, а вот как расшифровать «В честь окончания»? Почему в «честь»?

Мы с Толькой ломали голову над этим вопросом долго. Вот, если бы они сказали прямо, что покупают велосипед, чтобы премировать Тольку за хорошую учёбу, тогда да, это понятно. А так...?

Тут какая-то загадка для нас, и пожалуй пока не разрешимая.

Мы думали так и этак, разворачивали слова в ту и в другую сторону, даже пробовали на вкус... Шучу, шучу! На вкус мы, конечно, не пробовали, но до смысла «В честь окончания» долго пытались докопаться, но так и не докопались. Пришлось этот вопрос перенести на более позднее время, то есть, когда подрастём, и смысл этих непонятных слов дойдёт до нас. Ну..., станет понятным что ли.

Когда он в первый раз выкатил свой велосипед на улицу и попробовал на него сесть, мы, шесть-семь пацанов из близлежащих домов, от зависти даже остолбенели, хотя вида не показали. Гордость не позволила!

А Вовка Нагаец, мой близкий дружок, так тот вообще сплюнув через губу, выразился: «Что мы, велосипедов не видали что ли, подумаешь!»

Подумаешь, не подумаешь, а тоже завидовал здорово, я же видел. Подумаешь, не подумаешь, но мне страсть, как захотелось иметь свой собственный, такой же красивый, поблескивающий в солнечных лучах, велосипед.

И именно такого же цвета, как у Тольки – красного, как пожарная машина, и с блестящими крыльями над колёсами. И чтобы звонок был громкий и нежный одновременно.

Представляете, едешь по тротуару, и звонком – дзынь-дзынь, дзынь-дзынь.

Обыкновенные пешеходы, то есть, безвелосипедные, оборачиваются на звонок и тут же уступают дорогу. А ты проезжаешь мимо, и так это, свысока, то есть, с высоты сидения велосипеда..., ну, совсем как в индийском кино, вежливо так это говоришь: «Извините, что потревожил, но мне некогда, я спешу... по делам».

Вежливость у водителя транспортного средства – это наиглавнейшее качество – так сказал когда-то мой папа. А я запомнил и «зарубил» себе на носу. А потом, я помню, он ещё доба-

вил – «Велосипедист – это же не какой-то там „Пешеход обыкновенный“, а водитель несамостоятельного транспортного средства! Чувствуешь разницу?» – и при этом указательным пальцем прикоснулся к моему ослепленному от солнца носу.

И до того мне захотелось стать велосипедистом, то есть, владельцем «Несамостоятельного транспортного средства», что мне даже во сне стало сниться, как я на велосипеде по городу катаюсь, а за мной малышня ватагой бежит. Ни о чём мыслей не было в моей голове, кроме этой.

Я даже свою любимую рыбалку забросил, до того мне захотелось иметь велосипед в собственном, безраздельном пользовании. Я даже, кажется, заболел. Вот возьму, потрогаю лоб, а он, представляет, горячий.

Я как-то маму попросил потрогать мой лоб – в смысле, потрогать горячий он или нет, так она знает, что мне сказала: «Не придуривайся, температура у тебя нормальная!»

Как же она может быть нормальной без велосипеда, а?

Нет, не понимают родители своих детей! Не понимают, и всё!

Вот, к примеру, чего проще взять бы и спросить у меня, что это ты Сергей такой грустный ходишь? Ну, неужели я бы не сказал? Конечно сказал бы. Прямо тут же, сию же секундочку и выложил бы свою мечту заветную.

Сами подумайте, ну зачем мне скрывать свою мечту, да ещё от родных родителей?

Так нет, не спрашивают...

Пришлось мне самому взять «быка за рога». Это Вовка мне так посоветовал. И «Быка за рога» тоже он предложил, он сказал: «Для большей убедительности».

Где он только вычитал про них, про этих быков и рога? Я бы сам ни за что не догадался, что есть такое выражение.

А, и то, правда, жди, когда родители сами догадаются. Не-ет не дождёшься, сами они ни за что не догадаются, это я вам говорю.

На следующий день, вечером, после ужина, когда папа взялся за газету, а мама включила телевизор я, собрав в кулак всю свою смелую храбрость, приступил к воплощению своей заветной мечты.

Состроив обиженное лицо, я попытался разжалобить родителей, сказав, что вот мол, у всех знакомых мне ребят уже есть велосипеды, и только я один на нашей улице как-бы «безвелосипедный».

На мою, конкретную, жалобу отец отреагировал очень интересно – он сделал вид, что в газете вычитал что-то такое любопытное, что ничего вокруг не видит и ничего не слышит.

А мама была так увлечена своим сериалом, что, действительно, могла меня и не услышать.

Вот ведь как мне не повезло!

Итак, первая моя несмелая попытка не достигла цели!

На следующий день я, опять же по совету Вовки, возобновил свою «атаку» на родителей. Теперь я поступил мудрее (не зря же говорят, что опыт приходит во время ежедневных тренировок).

Я выложил свою просьбу во время ужина.

Деваться родителям было некуда, и они обещали подумать.

«Ура-аа!» – прокричал я, не вслух конечно, довольный своим первым успехом на поприще «семейной» дипломатии.

И вот, через месяц, то есть в середине июля, мечта моя воплотилась в реальность.

Я стал полноправным владельцем новенького, отливающего всеми цветами радуги, велосипеда. Я стал владельцем несамостоятельного транспортного средства! Я стал «велосипедным!».

Посему, я поднялся в глазах товарищей и друзей на невероятную высоту!

Глава вторая

Я шёл по тротуару и, держась за руль, катил свой первый в жизни велосипед, называвшийся громким именем – «Школьник», а мама и папа шли позади, вроде почётной свиты.

Я высоко держал голову, и с чувством собственной значимости, гордо поглядывал по сторонам – теперь я ве-ло-си-пе-дист!

Ах, какое это музыкальное, ласкающее слух, слово. Вы только вслушайтесь в его волшебное звучание – Ве-ло-си-пе-дист! Это значит – *я владелец несамоходного транспортного средства*, так сказал папа!

Вла-де-лец!

Чувствуете музыку этого слова? Не чувствуете? Напрасно. А вот я чувствую, ещё как чувствую! Оно даже пахнет как-то по-особенному – настоящим велосипедом! Моим долгожданным «железным конём»!

Пока я оттирал его во дворе от заводской смазки керосином из баночки, возле ворот уже «толклись» пятеро или шестеро пацанов с нашей улицы. Они наблюдали, что я делаю так или не так, и по очереди комментировали. Я делал вид, что совершенно не слышу их «умных» советов, и не замечаю их взглядов на мой велосипед.

Наконец я не выдержал постоянного за собой наблюдения и, подойдя к воротам, сказал папиными словами: «Велосипед нуждается в подготовке к эксплуатации». А потом, увидев, что мои товарищи не совсем меня поняли, добавил уже своими обычными словами: «Сегодня я выезжать не буду».

Только после сказанных мною слов, они начали потихоньку-помаленьку, один за другим, расходиться по своим, очень серьёзным делам.

Перевернув велосипед «вверх ногами», я стал крутить педали рукой, чтобы посмотреть как крутится заднее колесо...

Спицы, вначале видимые, постепенно, с увеличением скорости вращения, стали исчезать, и образовалось кольцо с пустым пространством посредине. Я заморожено наблюдал за этим чудом природы, и не мог оторвать взгляд от пустоты внутри колеса.

Увидев пустоту внутри колеса, я уж собрался было проверить эту пустоту пальцем, потом почему-то передумал. Я решил просунуть туда голову, чтобы посмотреть, что же там за пустотой, как услышал строгий окрик отца: «Не вздумай совать руку в колесо! Останешься без пальцев!»

Только после его окрика я пришёл в себя и, быстро отдернув руку, отодвинулся от притягивающей меня пустоты.

Глава третья

На следующий день, часов в десять утра, в ясный, восхитительный день, когда на голубом небе виднелись только пёрышки небольших облаков и ярко светило солнце, мы – папа, мама и я, вывели велосипед на улицу.

Я попытался (я видел, как это делает Толик) оседлать своего стального коня и помчаться, но тут же сверзился на землю вместе с велосипедом.

Тогда, папа и мама стали держать велосипед, а я уселся на сидение. Не получилось! Как только они отпускали велосипед, я тут же начинал заваливаться на бок...

Странно, подумал я, Только же не падает!

Даа, сказала мама, после моих нескольких, плачевно закончившихся попыток прокатиться и показать класс. Видно сегодня у тебя, Сергей, ничего не получится. Дай-ка я тебе покажу, как это делается.

И она, действительно, показала!

* * *

Как вспомню этот случай, так сердце «кровью обливается», и в груди становится как-то нехорошо, то есть, холодно и дышать нечем.

Повиляв немного по тротуару, она выровняла движение велосипеда и, набирая скорость, помчалась по улице в сторону ближайшего перекрёстка.

Мы с папой побежали вслед за ней, но она, сильнее закрутив педали, стала удаляться от нас...

Потом..., потом – произошло невероятное...!

Она почему-то направила велосипед прямо на дерево!

Я в ужасе закрыл глаза, и даже, кажется, остановился, а папа...

Папа помчался за мамой быстрее ветра, и не напрасно...

Когда мы подбежали к месту столкновения велосипеда и мамы с деревом, то увидели – велосипед лежит с одной стороны дерева, а мама с другой стороны, и стонет.

Папа бросился поднимать маму, а я, обуреваемый нехорошим предчувствием, кинулся к велосипеду.

О горе, мне! О горе!

У моего, столь долгожданного, с таким трудом выклянченного, новенького велосипеда, был свёрнут на бок руль, а на переднем колесе красовалась такая огромная «восьмёрка», что оно еле прокручивалось в вилке.

От такой несправедливости жизни у меня навернулись слёзы на глаза, и только огромным усилием «мужской воли», я смог не зарыдать громко-громко, а лишь побледнеть самую малость, и застонать раненым зверем!

Посмотрев на маму полными слёз глазами, я увидел, что ей тоже здорово досталось.

Её платье внизу было порвано, а правая коленка была вся поцарапана, и кровь текла из открытых ранок.

Мне стало так жалко её, и велосипед конечно тоже, что, не удержавшись, хоть я и мужчина, горько заплакал.

Как отступающие французы после битвы под Бородино, мы – я с поломанным велосипедом и папа, поддерживая хромающую маму, возвращались домой.

Я боялся оторвать взгляд от земли и посмотреть на своих товарищей, встречавшихся нам на пути.

Мне бабушка как-то рассказывала про «Голгофу», так это, наверное, про меня.

Правильно говорят – «Не заносись высоко в своей гордыне – Бог накажет!». Так и получилось со мной.

Я вёл велосипед, и у меня в груди что-то болело.

Приковыляв домой, мы всей семьёй стали разбираться в случившемся.

Мама стала рассказывать, что она ехала, ехала и, нечаянно, наехала на небольшой камешек, валявшийся на её пути. Переднее колесо, само по себе, вдруг повернуло в сторону дерева, и она, не успев даже глазом моргнуть, как ударилась об него. В глазах засверкали звёздочки, а затем я оказалась на земле, и появилась боль в коленке.

Папа стал разбираться с велосипедом, и нашёл ведь причину такого, своеобразного его поведения.

Вот какой умный у меня, папа! – с гордостью подумал я, а потом мне стало так стыдно, так стыдно...

– Ты, Серёжа, гайку зажимного хомута на руле подтягивал? – спросил папа, и вопросительно посмотрел на меня.

Я, наверное, покраснел от стыда, потому что лицу вдруг стало жарко-жарко.

– ?!

– Ккк-а-ко-го хо-мм-уу-та? – проблеял я козлиным фальцетом.

– Вот этого хомута и вот эту гайку, – сказал папа, и показал пальцем на них.

– Ааа-а разве её нужно подтягивать? – несколько озабочено и окончательно смутившись, поинтересовался я.

– Конечно! Я ещё удивляюсь, как мама смогла столько проехать и не упасть раньше.

Мне оставалось только сконфуженно опустить повинную голову.

Вот таким, не совсем удачным, оказался мой первый, «Парадный» выезд на велосипеде.

* * *

Через пару дней папа сумел почти полностью избавить мой велосипед от «восьмёрки» на переднем колесе, и сам, своими руками, перепроверил затяжку всех гаек и винтов. Проверая и подтягивая их, он при этом показывал мне, где, и что нужно проверять!

Прошла неделя после моего первого укрощения железного коня. И вот я, с великой радостью, улыбаясь во весь рот (то есть, от счастья «выставив наружу все свои зубы»), качу на своём, поблескивающем хромированными колёсами, велосипеде. А рядом со мной, то есть, бок о бок, катит Толик Волков, и мы ведём с ним серьёзный разговор о пользе прикормки для рыбы.

АРЫСЬ

*Но здесь произошло неожиданное и удивительное событие,
память о котором до сих пор жива в сердцах людей
(Повесть о Ходже Насреддине)*

Глава первая

Семнадцатого, утром, часов в девять, мы переезжали по мосту через широченную реку России – Волгу.

Мимо вагонного окна мелькали фермы железнодорожного моста, разделяя пейзаж на маленькие диапозитивы.

Видно было, как вниз по течению, старательно крутя красными большими колёсами, и пуская дым из белой с синей поперечной полосой трубы, казавшийся маленьким на таком расстоянии пароход, тащил связку плотов. Плоты, изгибаясь по фарватеру, были похожи на змею, а пароход на её голову.

Солнце в этот день начало палить с раннего утра (как-никак июль месяц).

Мы ехали в общем плацкартном вагоне битком набитом говорливыми пассажирами.

Детишки, играя в пятнашки, бегали по всему вагону, никого не слушая, налетая друг на друга, на взрослых и, даже чуть не сбили с ног проводницу, разносящую чай.

Отовсюду раздавались, то детский плачь, то чей-то безудержный хохот, а вскоре из какого-то отделения вагона послышалось исполняемое хрипло-пьяными голосами, пение:

«Ой, ты Волга, мать родная...»

Ехать было тяжело, нам, во всяком случае. И вся тяжесть этой поездки, то есть связанные с ней неудобства, так говорила мама, лежат на совести папы, потому что он не позаботился своевременно приобрести билеты на скорый поезд.

Поэтому папа, видя мамину раздражительность, не спорил с ней, а только молчаливо, попивал чай.

На мой, неискушённый в таких вопросах, взгляд – это самая правильная позиция со стороны мужчины. Пусть себе вокруг бушует ураган слов, а ты помалкивай и попивай чаёк. А, когда словоизвержение выдохнется, выжди ещё чуток, и можешь вести интеллигентный разговор в духе – «я столько труда вложил чтобы...». И тебя благосклонно выслушают – ну, может, и не совсем благосклонно, но всё же выслушают.

Ближе к вечеру пересекли ещё одну крупную реку – Урал.

Теперь поезд шёл по территории Казахстана.

Наш поезд назывался почтовым. Я спросил у папы – почему почтовый?.. Хотя, и сам давно догадался, почему – сразу за паровозом были прицеплены два почтовых вагона.

Почему два? Наверное, писем и посылок с подарками много вёз этот поезд.

Папа как-то мне сказал: «В Азии, куда мы скоро поедem, проживает много людей, то есть, народностей: узбеки, казахи, китайцы, и ещё эти, как их – киргизы». Да, ещё кто-то, но я не запомнил. Их столько много, что одной моей головы не хватит, чтобы все они уместились в моей голове, но я, когда мы станем там жить, постараюсь выведать у папы, какие ещё люди там живут.

Мы останавливались у каждого полустанка, иногда даже посредине степи, пропуская встречные и обгоняющие нас пассажирские и грузовые поезда. И, больше, на мой взгляд, стояли, чем двигались. Стояли минут по двадцать-тридцать.

От наскучившего всем безделья и однообразия пути, пассажиры выходили из вагонов, и прогуливались вдоль поезда.

А вокруг степь, безоблачное небо, и жаркое солнце!

Изредка, очень высоко в небе, виделся летающий кругами, высматривающий добычу, орёл.

Ночь тоже не давала полноценного отдыха – в вагоне было очень душно. Он за день накалялся так, что даже внутренние вагонные перегородки были горячими.

Все пассажиры спали мокрыми от пота, и дышали открытыми, словно курицы на солнцепёке, ртами. А ещё, не давая спать, то тут, то там, по всему вагону раздавались, то чей-то натужный кашель, то кто-то храпел так, что становилось страшно. И всё время – то в одном конце вагона, то в другом, раздавалось постоянное ночное бормотание.

Давно позади осталось Аральское море, с его обилием на каждой станции и полустанке торговков в цветастых платьях и белых тюрбанах. Они, наверное, во всяком случае, я так решил, выходили к каждому проходящему пассажирскому поезду и приносили на продажу: одни вяленную и свежую рыбу, айран и кумыс; другие – горячие, круто наперчённые манты, или казахские лепёшки и курт.

Мальчишки, все чумазые и загорелые до черноты, в разноцветных тубетейках на стриженных под «ноль» головах, бегали вдоль состава с вёдрами и бидонами, полными холодной колодезной воды. Кружка воды – от трёх до пяти копеек.

Даже пятилетние девчонки и мальчишки, таща тяжёлое ведро вдвоём, предлагали купить «Су».

Я, вначале, не знал, что означает это слово, но потом догадался – раз несут воду и кричат «Су» – значит, это «вода» на казахском языке, а если суют тебе литровую банку с молоком, и кричат «Сут» – не иначе как, это молоко.

Поезд останавливался и пассажиры, выскакивая из вагонов, сразу попадали в «объятия», глядящей на разных языках, толпы.

Некоторые торговки бегали от вагона к вагону, и предлагали выглядывающим из открытых окон пассажирам, свой товар.

Было шумно и жарко, и это было лето то ли 1947, то ли 1948 года.

Глава вторая

Мы часто переезжали из одной республики в другую, с юга на север и с запада на восток. Такая работа была у отца.

Я очень любил его, и восхищался!

Одетый в военную форму – зелёная гимнастёрка или китель, застёгнутый на все пуговицы, тёмно-синие галифе и хромовые сапоги со скрипом, перетянутый португеей, темноглазый и стройный, он выглядел очень мужественно.

Я не в него. Я в маму и её родню. У меня мамины серо-голубые глаза, тёмно-русые волосы на голове, и ходить так, как ходит отец – печатающая шаг – я не умею.

Отец иногда делал мне замечание, он говорил: «При ходьбе не шаркай ногами, ты же не девяностолетний дед, и никогда, слышишь сынок, никогда не держи руки в карманах. Во-первых, это некрасиво, а во-вторых, ты же не уркаган какой-нибудь из подворотни! И ты не прячь в карманах нож или кастет от собеседника?»

В принципе, у нас всегда было чемоданное настроение. Сейчас мы ехали в Текели.

Мы с братом лежали на верхних «полках» вагона, и рассматривали наплывающий навстречу поезду пейзаж – степи, степи!

Изредка, то там, то тут, неожиданно закручивался вихрь, неся тучу пыли, перекасти-поле, и всё то, что попадалось ему на пути. Иногда он пересекал путь поезду и, остановившись

на мгновение на протянувшихся до горизонта рельсах, словно ожидал его, но вдруг срывался не дождавшись, и ретивым жеребёнком уносился вскачь.

Часто встречались верблюды и ослики.

Любопытно было видеть, как маленького росточка ослик на тоненьких ножках, вёз на себе огромную копну сена, или верхом на нём сидел громоздкий человек. И на человеке этом был надет цветной толстый халат и шапка-малахай, опушённая рыжим мехом степной лисицы.

Говорят, здорово от жарких лучей солнца помогает.

Однажды на каком-то полустанке, мальчишка, сидя верхом на верблюде, решил устроить гонки с нашим поездом.

Ну, куда ему было тягаться с железным конём, который гремит железом и изрыгает клубы дыма и пара.

Проиграв соревнование он, я видел через вагонное окно, чему-то радостно засмеялся, и умчался в жаркую даль степи, где волшебным маревом шевелился воздух.

Под стук колёс мы засыпали, под стук колёс мы вставали на следующий день.

Так проходил день за днём.

Долго мы ехали, я уж совсем измаялся, но наконец-то настал долгожданный день, когда наш поезд, замедляя ход и подавая гудки, подошёл к какой-то станции.

Я подумал, что наша утомительная поездка закончилась, но папа сказал, что здесь у нас пересадка на другой поезд.

Я не очень хорошо запомнил само здание вокзала. Запомнилось только – одноэтажное белое здание с небольшими окнами, выступающий на перрон выходной тамбур, и надпись на фронтоне – «АРЫСЬ».

Поезд, который должен был везти нас дальше, уходил ближе к вечеру, а сейчас перронные часы показывали лишь два часа и сорок семь минут местного времени.

Отец с мамой разместили нас – меня и брата, бабушку, и все наши вещи, в углу, между выходным тамбуром и стеной здания вокзала. Они решили, что на перроне будет прохладней, чем в здании вокзала.

А мне с братом только того и надо было.

Ну, что можно увидеть внутри вокзала – расписание движения поездов, да чахлый фикус в углу? Зато на перроне... есть где глазу разгуляться!

Сложив вещи в кучу и загородив их двумя чемоданами, отец приказал нам сесть на них, никуда не отлучаться, и «ворон не ловить». То есть, в переводе на понятный язык – смотреть в оба!

За старшую, в нашей небольшой, но ответственной группе, оставили бабушку (не могли же они, в конце-концов, такое серьёзное дело – как охрана нашего семейного имущества, доверить таким несерьёзным людям, как мы с братом). И пошли заком..., закомпо..., постирывать билеты.

Зачем людям придумывать такие мудреные слова, не понимаю? Намного проще было бы сказать – мы пошли в билетную кассу поставить печати на билетах, и понаделать множество дырочек в них. Вот так сразу было бы понятно, а то..., закомпо..., да ну его, совсем язык сломаешь, пока выговоришь!

Но мы то с братишкой сразу поняли, почему это бабушку назначили старшей по команде, а не, допустим, меня, мужчину! Понятное дело – чтобы присматривать за нами, а не за вещами.

Чего за ними смотреть? У них же нет ног как у людей. Куда поставили или положили их, там они и будут находиться до скончания века! Во всяком случае, я так думаю.

Мы с братом сидели на чемоданах, и тарасили глаза на всё, что вокруг нас происходило. А происходило много чего интересного.

По железнодорожным путям, а их на станции было несколько, туда и сюда, окутанный то дымом, то паром, посвистывая и погукивая, бегал маневровый паровозик «кукушка». Он подхватывал вагоны по одному, а то и по два-три сразу и, то увозил их куда-то, то сцеплял друг с другом, перетаскивая с одного пути на другой.

Он трудился, словно пчёлка собирающая нектар, и на наших глазах, из отдельных вагонов: гружённых песком, углём, досками, и какими-то ящиками; а на одном вагоне даже стоял взаправдашний танк – составлял целые поезда.

Потом к ним подкатывал огромный паровоз, и увозил куда-то за горизонт.

Это было настолько захватывающе и интересно, что мы, совершенно обо всём позабыли. И так увлеклись наблюдением за паровозиком, что даже не обратили внимания на подошедший к перрону пассажирский поезд.

И лишь когда он, как рассерженный гусь, зашипев тормозами и полязгав буферами, остановился как раз напротив нас, и закрыл весь обзор, вот только тогда мы перевели взгляд на него.

Проводницы вагонов открыли двери. Протёрли тряпками поручни, и лишь после всех этих процедур на перрон стали выходить с чемоданами и сумками в руках, пассажиры.

На перроне, оказывается, уже давно толпились уезжающие, провожающие и встречающие.

И почему это мы раньше их не замечали? – подумал я. И тут как стрельнет в голове фейерверком: так ведь люди есть везде, их много, а вот паровозов, да ещё таких маленьких – раз-два и обчёлся!

Успокоив свою совесть таким рассуждением, я стал наблюдать за пассажирами. Оказывается здесь, на перроне, сейчас тоже происходило много чего интересного. Кто-то спрашивал – где остановился седьмой вагон, а кто-то прощался с родными и друзьями.

Всюду раздавался говор. Слышно было, как кто-то плачущим голосом всё повторял – «Ванечка! Ванечка, как же я без тебя?» А с другого конца перрона донеслось – «Коля! Билеты не потерял? Смотри у меня, уши оборву!»

Уезжавшие люди, похватав сумки, чемоданы и мешки, сталкиваясь и натыкаясь, друг на друга, бегали по перрону вдоль поезда, надеясь в этой толчее быстрее остальных попасть к своему вагону и, главное, угадать, где же он остановился?

Провожающие следовали за ними, создавая ещё большую толчею и неразбериху.

Мне даже смешно стало смотреть на них. Такие большие дяденьки и тётеньки, а сообразить не могут, что первый вагон всегда сразу за паровозом прицеплен... , то есть, сразу за почтовым вагоном. Это даже мы с братом знаем.

Такую картину, или очень похожую на неё, мы видели на любом вокзале, большом или маленьком – роли не играет.

Папы с мамой всё ещё не было. Я, раскрыв рот, наблюдал за происходящей вокруг нас кутерьмой, и совершенно забыл о наших обязанностях, думаю, и брат тоже.

Бабушка тоже была далеко от «Мира сего». Так она говорила, когда чем-нибудь увлеклась. А она увлеклась, она читала какой-то изумительный, как она потом сказала, роман, и так её захватили происходящие в нём события, что даже забыла о своей привычке – почёсывать нос.

Наконец поезд поглотил, как кит макрель, уезжающих, выплюнул из своего чрева провожающих и, загудев, гусеницей пополз от перрона.

Провожающие, оказавшись вновь на перроне, стоя напротив вагонных окон, докрикивали последние – «Прощай!», или «Не забывай писать! Я буду ждать от тебя письма»

Медленно, набирая скорость, казалось, он готовился к длительному марафону, поезд покидал вокзал.

Постепенно перрон начал пустеть, и очень хорошо было видно, как вагоны, один за другим, проплывают мимо нас.

Из окон вагонов выглядывали уезжающие пассажиры, и с кем-то, ещё находящимся недалеко от уходящего вдаль поезда, прощально махали рукой, а другие продолжали уже немой разговор, и что-то писали в воздухе пальцами. Несколько опоздавших пассажиров пытались на ходу вскочить на подножки вагонов.

Вот показался последний вагон поезда с красным фонарём на металлическом кронштейне.

За ним бежали, пытаясь догнать, два слишком отставших пассажира. У одного из них в руках был зелёный армейский вещевой мешок, ну, точь в точь, как наш.

Я, помню, ещё удивился такому совпадению. Мы в таком мешке держали сухари и сало: «Мало ли, что может случиться в дороге, – сказала мама, собирая мешок перед поездкой. А, с такими, „нескорпортящимися“ продуктами можно продержаться некоторое время».

Кстати, я вспомнил, она называла его аварийный Н.З.

Увидав двух бегущих, отставших от поезда пассажиров, бабушка отвлеклась от книги, и принялась просить Бога помочь им.

Мы с братом тоже переживали за них.

Наконец, одному из них удалось ухватиться за поручни убегающего вагона, и подать руку своему товарищу.

Оба поднялись на заднюю тормозную площадку.

Уф-ф! Не знаю, как кто, а я так переживал за них, так переживал, что, по-моему, даже на какое-то время дышать перестал.

Паровоз ещё раз загудел, словно прощаясь со станцией, городом и нами, а догнавшие вагон два счастливых пассажира, с удобством устроившись на тормозной площадке последнего вагона, словно прощаясь, помахали нам рукой, и насмешливо, как-будто издеваясь, заулыбались.

Наверное, это мне показалось.

Облегчённо вздохнув, мы стали наблюдать за происходящим дальше.

Бабушка сотворила молитву Николаю Угоднику, поблагодарив его за помощь чуть не отставшим от поезда пассажирам, и вновь принялась за свой роман.

Через некоторое время пришли мама и папа.

Выстояв немалое время в очереди, они смогли закомпостировать билеты на нужный нам поезд – до его прихода оставался ещё час – и мама предложила перекусить.

Доставая сумку с продуктами, мама обратила внимание на отсутствие вещевого мешка с сухарями и салом.

На строгий, учиненный мамой допрос, я и брат только хлопали глазами, а бабушка разводила руками.

В конце-концов, сопоставив факты, мы ужаснулись от догадки – куда подевался наш рюкзак...

Пришлось сознаться, что мы увлеклись наблюдением за поездом, рассказать, как переживали за отставших двух пассажиров, как бабушка молилась Николаю Угоднику... и что наш рюкзак, наверное, едет совсем в другую сторону, чем надо.

Мы виноваты, заканючили мы с братом, пытаясь избежать полагающегося нам заслуженного наказания.

Выслушав наш сбивчивый рассказ, папа и мама вначале нахмурились, а потом, первым папа, а за ним и мама, весело расхохотались...

Мы с братишкой, избежав полагающейся нам серьёзной взбучки за ротозейство, тоже стали смеяться, но аккуратно, не слишком демонстрируя нашу радость.

А бабушка, прыская в сухонький кулачок, всё повторяла: «Ах, ироды! Ах, ироды!»

СЫНОК, ГЛАВНОЕ – НЕ БОЯТЬСЯ!

*... Что же было потом? – спросил он.
Потом это солнце погасло, и наступила ночь.
(О. Ларионова «У моря, где край земли»)*

Глава первая

...Лошади медленно поднимались на очередной взгорок. Они взмокли – на губах висела желтоватая пена. Чтобы лошадям было легче добраться до вершины, мы помогали им, как могли. Мы – это папа, мама, дядя Григорий и, конечно же, я.

Дядя Григорий – хозяин лошадей и телеги. Он весь путь беспокоился о них: старался всеми способами облегчить им дорогу, садился в телегу только на равнине или на спуске с очередного подъёма.

Я сидел в телеге на наших вещах, и хворостиной подгонял левую, пристяжную лошадь. Она поворачивала голову в мою сторону, косила на меня фиолетовым глазом, когда я замалхивался на неё, но шагу не прибавляла. По-видимому, она не считала меня, а тем более мою хворостину, серьёзной угрозой для себя.

Папа с мамой подталкивали телегу сзади.

Дорога, вся в ухабах, с глубокой колеёй размокшей после первых весенних дождей, была настолько тяжела, что даже я, несмышлёныш, это понимал.

Поэтому, после каждого трудного подъёма останавливали лошадей, и давали им отдохнуть.

Дядя Григорий забрал нас с железнодорожной станции сегодня утром, часов в восемь, а сейчас было четыре часа пополудни, так сказал папа, посмотрев на циферблат своих командирских часов.

Солнце всё ещё было высоко над головами, но жары не было.

Мошка вилась над лошадьми и тихонько звенела.

Лошади, отдыхая, помахивали хвостами, и прядали ушами, отгоняя мошку.

Вокруг, почти вплотную к дороге, примыкал лес – дубы, вязы, а кое-где проглядывали ели с их вечно зелеными иголками. В лесу сумрачно и сыро. Оттуда доносился запах прели, и изредка одинокое кукование кукушки.

Окружающее, не смотря на ясный солнечный день, навевало тоску и боязнь чего-то неизвестного, поднимало из глубины души какое-то томление, скорее всего страх.

Я боялся! Правда, боялся!

Шёл послевоенный 1946 год. Мы находились в самом сердце Западной Украины, и вокруг нас стоял вековой лес – какой-то притихший, настороженный.

Мы добирались до нового места жительства, и до нового места работы папы.

Мама долго сопротивлялась переезду сразу всей семьёй, но папа сумел её уговорить, и она, поплавав, согласилась.

Моё мнение, конечно, в расчёт не принималось – что может предложить семилетний мальчишка, не имеющий жизненного опыта и знаний об окружающем его мире.

Так мы оказались здесь, на этой лесной дороге, в этом хмуром, неприветливом лесу.

Дядя Григорий – малоразговорчивый украинец, обутый в солдатские сапоги и выцветшую, когда-то, по-видимому, зелёного цвета фуфайку военного образца – был среднего роста, сухощав и очень подвижен. Он без усталости, попыхивая дымком козьею ножки – то шагал рядом с телегой, то кормил и поил лошадей, то бегал за хворостом для костра вовремя остановок на отдых.

Смотря на него, мне казалось, что он даже спит не в постели, а как породистая лошадка, на ногах. Местный житель – он хорошо знал округу и живущих здесь людей, имел большое количество знакомых и друзей. Хмурый с виду – это был добрейшей души человек.

В этом я убедился за время нашего нелёгкого пути по лесной дороге. А потом, в разговорах у костерка, мы постепенно узнали и кое-что из его жизни:

Он воевал. За время войны был дважды ранен и оба раза легко. Повезло, сказал он смущённо, и начал подкладывать ветки в костёр. За оба ранения я получил две жёлтые нашивки и медаль «За отвагу».

Всякого насмотрелся, продолжал он рассказывать, даже страх испытывал, особенно, когда нужно было вылезать из окопа и идти в атаку.

Вокруг пули посвистывают, мины разрываются – вот тут-то, закроешь глаза, прочтёшь молитву, иии... с Божьей помощью вперёд, в атаку. Даа... всяко бывало. Есть о чём вспомнить за свою военную жизнь...

А хотите, я вам один случай расскажу, предложил он нам. Тут разговор про атаки и маршброски не пойдёт. Скажу прямо, как случившееся назвать, сам до сих пор не решил, но никогда, до самой смерти, события произошедшие со мной в тот день не забуду.

– Хочу, хочу! – быстро проговорил я, и даже привстал от нетерпения.

А папа с мамой лишь молчаливо покивали головами. Наверное, тоже хотели послушать рассказ.

Хотите, верьте, хотите – нет, начал он тихим голосом, помешивая деревянной ложкой в котелке, и пробуя варево на «соль», но такой, значит, со мной случай приключился...

Он немного помолчал, подложил несколько веток в костёр и, закурив свою неизменную козью ножку, стал медленно, по-видимому, вспоминая события прошлых дней, или вновь переживая случившееся, рассказывать.

Его украинская речь, перемежаемая русскими словами для большей нашей понятливости, так объяснил он нам – была певуча и красива.

Мы с папой всё прекрасно понимали, а мама – тем более. Она украинка – родилась в Никополе.

Затаив дыхание и боясь пропустить хоть слово, я слушал старого солдата.

Я много раз слышал рассказы отца о войне. Он воевал в артиллерийском полку, имел звание капитана, но его рассказы, как-бы правильнее выразиться, были более скупыми, менее насыщенными подробностями, что в итоге так уменьшает красоту любого рассказа-воспоминания.

В них преобладала техническая сторона – калибр, азимут, горизонт, навесной огонь и другие, непонятные для моего разума слова. Поэтому, рассказ дяди Григория я слушал, как сказку, открыв рот от изумления, и с восторгом ожидая следующих слов. Да он и походил на чудесную сказку.

* * *

...Стояли мы, значит, в одном небольшом прусском городишке, вёл свой рассказ дядя Гриша, на отдыхе и, понимаете, расквартировали нас в старинном Рыцарском замке. Городишко – название я сейчас не могу выговорить, потому как я немецкому языку не обучен, располагался на невысокой горе, а замок – на самой вершине. Этот городок мы отбили у немцев дня два назад.

Так вот... нас оставили охранять замок, а заодно и отдохнуть. Вымотались мы за дни боёв до невозможности...

– Дядя Григорий! А, замок... взаправдашний? – перебил я его, любопытствуя. – Высокий?

Мама шикнула на меня, и я замолк, а дядя Григорий, сделав пару затяжек из козьей ножки и выпустив дым из ноздрей, продолжил: «Разместились мы в большой комнате, в первом этаже. Комната огромная, квадратная – метров по двадцать каждая стена в длину, и все стены увешаны коврами и картинами, представляете?»

На коврах развешаны кинжалы, сабли, ружья старинные. Всё искусно украшено затейливой резьбой и отделано золотом и серебром.

Портреты людей там тоже были, и здорово так нарисованы!

На них, по-видимому, вся родословная здешних хозяев выставлена была, чтобы, значит, потомки не забывали об своих родственниках и перед другими хвастались.

Знаете, почти все они в париках до плеч, а на некоторых, шляпы с перьями... А орденов то на них навешано, а медалей..., ну чистые генералиссимусы!

А на двух картинах, что висели поближе к выходу, сцены охоты с собаками...

Одно слово – красота! Как в музее!

Даа..., по-видимому, хозяева не успели всё это добро вывезти или спрятать, а может не захотели? Думали, наверное, ихняя доблестная армия не допустит нас сюда. Но мы быстро и упорно наступали – чувствовали, скоро войне конец, а фашисты-то уже были на последнем издыхании.

Докурив козью ножку, он поднялся, ещё раз попробовал варево и, сказав – готово! – поставил котелок на землю, подальше от огня.

Мама достала чашки и ложки, нарезала хлеб, а дядя Гриша вытащил из своего армейского мешка кусок сала, посыпанного крупной солью и красным перцем.

Оно выглядело так аппетитно, так аппетитно, что у меня полный рот слюней набрался – я даже не успевал их глотать.

Дядя Григорий отрезал каждому по ломтю, а остальное, завернув в расшитое цветочками полотенце, положил назад в вещевой мешок.

Когда пшённая каша и сало были съедены, стали пить чай.

Утолив голод, я с нетерпением стал посматривать на дядю Григория – я ждал продолжения рассказа! У меня от ожидания даже спина почему-то зачесалась..., или это у всех так?

Немного о чём-то поразмышляв, дядя Гриша собрался было продолжить свой рассказ, но папа, ну совершенно не вовремя по моему разумению, перебив его не начавшееся повествование, предложил папиросу. Я, нетерпеливо ёрзая, ждал, пока они прикурят свои папиросы.

Какое это мучение ждать продолжения интересного рассказа, и не мочь поторопить рассказчика!

Наконец дядя Гриша, выкурив почти половину папиросы, задумчиво посмотрел на меня и поинтересовался:

– Так на чём я остановился, хлопчик, не подскажешь?

– На замке... На замке и на картинах! – быстренько, чтобы поторопить его, напомнил я. Меня очень заинтересовал дядин Гришин рассказ, и я жаждал услышать его продолжение.

Даа, так вот..., раздумчиво, медленно, возобновил он свой рассказ:

Мы, никогда не видавшие такую красоту, стали с интересом всё это рассматривать и трогать руками, а некоторые из нас стали снимать оружие со стен и примерять на себя.

Нас было восемь человек – почти отделение. Все мы из разных деревень, разного роду-племени, и мы были любопытны, словно дети. Рассматривая портреты, я удивлялся мастерству художников, написавших их, и, кажется, даже цокал языком. Врать не буду – может это я «цокал» при другом случае, не помню.

Люди на портретах были, как живые, а один на портрете, мне наверно померещилось, даже пару раз моргнул.

Подумав, что это мне «показалось» после выпитой солдатской чарки пущенной по кругу, я сразу же выбросил это из головы, и постарался забыть. Зачем голову заморачивать пустым, решил я?

Побродив по замку и налюбовавшись его красотами, мы постепенно утомнились и стали располагаться, кто как может, и где может, на ночлег.

Командир отделения приказал тушить свет и прекратить разговоры. «Всем спать!» – строго повторил он.

Мы очень устали за прошедшие дни боёв, и предоставленный нам день отдыха – был заслуженной наградой за наш тяжёлый, ратный труд.

Спал я крепко, тяжёлых снов не видел, и никакие предчувствия вечером меня не томили.

Проснулся я сразу от ударившего в глаза света. Приподняв веки, я подумал, что у меня галлюцинация, и не сразу сообразил, что к чему.

Окружив нас плотным кольцом, с автоматами наизготовку, стояло десять-пятнадцать немецких солдат во главе с офицером. Один портрет на стене отсутствовал, а на его месте зиял проём открытой двери – это я почему-то сразу заметил.

Офицер, очень похожий на одного из нарисованных на портретах, резким, командирским голосом прокричал: «Aufshtain! – russische schvain!» И коверкая слова, по-русски, добавил: «Встятье собьяки!» А потом ещё, словно пролаял: «Hende hoh!».

Кто-то из наших, медленно поднимаясь, проворчал: «Отдохнули! Мать твою!».

Над нашими головами ярко светила равнодушная ко всему происходящему в комнате, хрустальная люстра.

Захваченные врасплох, да ещё спронеся, мы не успели схватиться за автоматы, и поэтому, хмуро поглядывая на немцев, вставали безоружными.

Краем глаза я заметил, как сержант неожиданным движением руки выхватил из ножен свой нож и резко метнул его в офицера. Скорее всего он попал – потому что раздался болезненный стон, и в то же мгновение прозвучала резкая, как удар хлыста, команда офицера: «Fojar!»

Я этот лающий голос никогда не забуду!

Словно десяток швейных машинок застрочили автоматы немцев. Какая-то пуля ударила меня по ноге – нога подкосилась, и я упал, потеряв от страшной боли сознание. Пришёл я в себя, когда кто-то снял с меня тяжесть, давившую на грудь.

Открыв глаза, первое, что я увидел – тело сержанта..., мёртвого. В него попали первые пули и, случайно, он своим телом закрыл меня.

Так я получил своё первое лёгкое ранение.

Откуда взялись немцы? – посмотрел он на меня, догадавшись о моём не высказанном вопросе, и попытался объяснить: немцы всё то время, что мы находились в замке, спрятались в потайном ходе за дверью, скрытой одним из портретов на стене, я так думаю.

Наши часовые, услышав стрельбу, подняли тревогу – тревожная группа ворвалась в замок, но никого, кроме убитых, не увидела. Всё было на месте – комната была пуста, кроме нас конечно, и кто стрелял – неизвестно.

Я, придя в себя, указал им на портрет и сказал, что немцы, наверное, пришли оттуда, потому что я видел там открытый проём.

Больше часа ушло, чтобы найти секрет открывания двери. Проверили подземный ход – в нём никого не было. Немцы ушли в неизвестном направлении. Куда ушли? Господь один знает.

Мы молчали, каждый из нас, наверное, думал о своём, я так считаю.

Папа, закулив новую папиросу, сказал: «Даа..., вам несказанно повезло, Григорий! Такое везение случается раз в жизни и то, не у всякого. И после небольшой паузы, добавил: «Значит, судьба не захотела, чтобы вы погибли. Для чего-то вы ещё были нужны ей».

Мне очень понравился рассказ дяди Гриши. Жаль только – *наши* не поймали немцев.

Я, разохотившись слушать, хотел уже попросить ещё что-нибудь рассказать интересное, но дядя Григорий, посмотрев на небо, сказал: «Пора ехать!»

Мама стала собирать оставленную на время рассказа посуду, а он, слегка помахивая кнутом, пошёл к лошадям.

Глава вторая

Вокруг был всё тот же хмурый, тревожный лес. Пристяжная лошадка всё также ленилась, лишь коренник добросовестно зарабатывал себе на пропитание.

Дядя Гриша почему-то хмурился, и в глазах у него, я иногда замечал, нет-нет, да проскальзывала тревога. Он, подзвав к себе папу, о чём-то долго с ним разговаривал.

Вернувшись к нам, папа сказал, что в этом районе пошаливают, не до конца выловленные в лесах, бандеровцы, и что Григория это очень тревожит. Как бы нам не нарваться на них. Могут и расстрелять! – предупреждает он.

Мама, выслушав папу, тут же «завелась», как однажды сказал он ей, не при мне, конечно, я это нечаянно услышал.

– Я же говорила тебе, Вячеслав, ехай один – устройшься на працю, тогда и заберёшь нас! – громко, перемежая украинские и русские слова, и всё более распаяясь, заговорила она.

Она чуть ли не кричала: «Ещё и ребёнка везём с собой, на погибель!»

Папа, пытаясь её успокоить, всё повторял: «Перестань, Вера! Всё будет хорошо. Наконец – это только предположение Григория. – Мне в „конторе“ сказали – здесь тихо».

Постепенно мама перестала ругаться, и уже не так хмуро смотрела на папу. Но тревога, появившаяся в её глазах, не проходила.

До «Миста», так назвал наш конечный пункт дядя Гриша, осталось, как он сказал – «трохи, ну, мабуть, киломэтрив пять, а може мэньше».

Напуганный папиными словами, я внимательно всматривался в окружавший нас лес и кустарник, и всё ждал, когда же из кустов выскочат бородатые дяденьки-бандеровцы – и дождался на нашу голову!

Мама, потом, когда мы уже были в безопасности, мне шутя сказала: «Цэ ты, сынку, при-тягнув їх».

Впереди, метрах в ста пятидесяти, перегораживая колею, лежало дерево.

Папа, увидев его – побледнел, а мама прижала меня к себе одной рукой, а другой, прикрывая рот, наверное, чтобы не закричать, прошептала: «Ой, лышенько! Смертушка наша прыйшла!»

Дядя Гриша, натянув вожжи и сказав «Тпру!», остановил лошадей.

На мой неискущённый взгляд, так он мог бы и не «тпрукать» лошадям. Дорога-то была перегорожена, и они сами бы остановились перед загорожей. Они же не кони-птицы какие-нибудь, чтобы летать через поваленные деревья.

– Шо будэмо робыть? – спросил он у папы и как-бы у самого себя.

Посоветовавшись несколько минут, они решили продолжить путь, надеясь на лучшее.

Разворачивать коней и телегу в обратную сторону, тем более в такой ситуации, не имело никакого смысла. И ещё одно соображение имелось в запасе, а вдруг дерево само упало... от старости? Между папой и дядей Григорием завязался серьёзный разговор.

Мы не доехали метров около двадцати до поваленного дерева, как из ближайших кустов вышел, держа в руках направленный на нас автомат, одетый в полувоенную форму, человек. На нём были солдатские шальвары, заправленные в кирзовые сапоги и тёмный, помятый пиджак поверх сатиновой, не первой свежести, рубашки, а на голове залихватски, набекрень, сидела военная фуражка, без звёздочки.

Лошади, дойдя до загорожи, остановились сами.

Бандеровец, а в этом я теперь совершенно не сомневался, картинно держа автомат перед собой, махнул рукой, и из леса вышли ещё двое – почти также одетые, и державшие в руках винтовки с облезлыми прикладами.

Мы с мамой сидели, ни живы, ни мертвы, и боялись даже пошевелиться – это я о себе. Но, в то же время меня разбирало сильное любопытство, и я во все глаза рассматривал их.

Вот они, оказывается, какие – бандиты! И совсем они не страшные, решил я, когда шок от их неожиданного появления у меня немного прошёл.

Бандеровцы подошли к телеге: заросшие щетиной лица; запах давно не мытых тел; и тяжёлый, какой-то затравленный, исподлобья, взгляд, так мне показалось. Такой взгляд я однажды видел у бездомной собаки, которую мы с мальчишками гоняли как-то.

Первый, который покартинистее, оглядел нас и, задержав на несколько секунд взгляд на маме, подошёл к дяде Грише, и стал с ним разговаривать.

– Дядько! Куды трапыш, кого везэш?

Он, искоса поглядывая на маму и папу, спрашивал по-украински, а потом, ещё раз посмотрев на папу, добавил: «Докумэнт маешь, чи, ни? – А баба, та хлопэць, теж мають який-нито, докумэнт, чи гэж, нэ мають?»

– Який докумэнт? – встревожено заговорил дядя Григорий, – як шо справка из сельского Совету...? Так е! – Ось вона, дывысь, сказал он, и полез рукой под фуфайку, чтобы достать справку, наверное.

– Стий, дядько! – неожиданно приказал бандеровец. – Высунь свою граблюку назад! Та потыхэньку, добавил он, быстро отступив на один шаг от дяди Григория: – И обратившись к нам, показал автоматом на землю:

– Уси злазьтэ! Як шо нэ так, зразу стриляю! – Степан, возьмы йих на прицел, приказал он другому бандеровцу, и добавил уже опять нам: «Злизэтэ, ось тоди и будэмо балакаты.

Тощий, словно щепка, долговязый бандеровец, не говоря ни слова, направил свою винтовку в нашу сторону, и угрожающе клацнул затвором.

Вот тебе и «хорошие» дядечьки, снова испугался я.

...А ты, Мыкола, сказал предводитель третьему бандеровцу, провирь «кабриолету» – щегольнул он знанием лошадиного транспорта.

Мы с мамой послушно, но с опаской, слезли с телеги, и отошли шага на два-три чуть в сторону.

Пока Мыкола шарил в наших вещах на повозке, мама ругалась на него за неаккуратность, и довела его таки до того, что он, наверное, не выдержав, гаркнул: «Цыц, стервозо! В том свити цацки, та платя – нэ трэба будэ!» Мама, словно споткнувшись на всём бегу, замолчала, и только лицо её пылало жаром от возмущения и женского бессилия.

Папа был бледен. Сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев, он не произнося ни слова, наблюдал за происходящим, и было видно, с каким трудом ему давалось это молчание.

Закончив осмотр вещей, и не найдя оружия, Мыкола забрал сало и остатки хлеба, прихватив заодно пару маминых красивых полотенец.

Видно было, мама что-то хотела сказать резкое, но взглянув на папу, промолчала, хотя и с видимым усилием.

Я помню, с какой любовью и старанием она вышивала эти полотенца, сидя у плиты в бабушкином доме. Какое это было счастливое время, мельком подумал я и, с неослабевающим интересом продолжил наблюдать за всем происходящим вокруг меня.

Мне кажется, что я тогда еще не до конца понимал серьёзности нашего положения. Но когда главарь, плотоядно улыбаясь, подошёл к папе и маме, и сказал: «Зараз я буду робыть обыску!» – лицо у папы изменилось.

Вот тут я испугался! По-настоящему испугался! Сейчас должно что-то произойти, со страхом подумал я, и весь сжался от предчувствия чего-то страшного-страшного. С таким

лицом, какое сделалось у папы, идут на всё, даже на смерть! Я об этом сам догадался, несмотря на свой детский возраст и полное отсутствие жизненного опыта. Я даже не догадался, я почувствовал, и слёзы страха стали скапливаться в моих глазах.

По-видимому, главарь это тоже почувствовал. На мгновение замерев, он неожиданно повернулся к дяде Грише и резко приказал ему: «Завэртай свий шарабан до лису! Бачиш колию! – А вы геть за ним!» – повернулся к нам старший.

И обратившись к своим товарищам, строго приказал: «Мыкола, Степан, доглядайтэ за усима. Як що побигнуть – стріляйтэ! – Я пиду у пэрэд, а вы з конямы и заарэштowanнymi гонить до базы!»

Делать нечего. Повернув лошадей в просеку, последовали за главарём в самую глубь леса. Дядя Григорий вёл лошадей за повод, а мы шли за телегой под конвоем двух бандеровцев.

Метров через двести-двести пятьдесят, в лесу трудно определить расстояние, особенно для меня, *старший* бандеровец свернул на какую-то тропинку и исчез в кустах.

Следовавшая за нами охрана, как только не стало возле них командира, повесив винтовки на плечо, закурила сигарки и завела неспешный разговор.

Папа, достав коробку папирос «Казбек», тоже хотел закурить, но второй охранник, не долговязый, крикнул грубым, пропитым голосом: «Дай сюды!» – протянул руку и выхватил папиросы.

По-видимому, Мыкола по какой-то непонятной для меня причине, был не в духе.

Не меняя порядка: дядя Гриша, лошади с повозкой, и мы со своими «сопровождающими», следовали по лесу минут сорок. Я очень устал и стал спотыкаться. Мама, повернув голову к конвоирам, обратилась к долговязому Степану с просьбой:

– Послухайтэ, люди добри! Нэхай хлопчик зализэ у бричку, а? Йому ж тяжко.

– Ничого йому нэ зробыця! – ответил Мыкола вместо Степана.

– У вас шо, своих дитэй нэма? – уговаривала их мама, – казна шо кажетэ!

– Иды, хлопчик, сидай, – разрешил Степан, махнув рукой в сторону повозки. – Мыкола, воно ж ще малэ, добавил он, повернувшись к товарищу.

Я, уцепившись за повозку, влез и блаженно растянулся на вещах. Ноги «гудели» от усталости, а лицо моё было мокрым от пота. Наслаждаясь отдыхом, я подумал: «А, совсем они не страшные – эти бандиты. Правда, если подумать хорошенько, то Мыкола – нехороший, злой. Но это, наверное, от голода. . . Вишь, как на сало с хлебом набросились. У них, что, в лесу нет бабушки, чтобы галушки сварить?»

Проехав ещё немного, мы перебрались через какую-то мелкую речушку и оказались у цели нашего затянувшегося передвижения, у «базы».

Перед нами, на небольшой поляне окружённой густым лесом, расположились несколько, покрытых выгоревшим на солнце дёрном, землянок. У одной из них горел небольшой бездымный костёр, и оттуда доносился запах какого-то варева.

По-видимому, кем-то заранее предупреждённые, нас ожидали около двадцати-двадцати пяти бандеровцев – по-разному одетых и с различным оружием в руках.

Молодые и пожилые – все они были на одно лицо: усталые, угрюмые, а в глазах, обращённых в нашу сторону, проглядывалась обречённость.

От таких людей ждать хорошего – напрасная трата времени, решил я, и постарался как можно плотнее вжаться в наши тюки, вжаться так плотно, чтобы стать совсем незаметным для постороннего любопытствующего взгляда.

Из середины этой разношёрстной толпы, в сопровождении *нашего* бывшего «старшего», вышел бандеровец, одетый в кожаную куртку и с двумя наганами в кобурах.

Наши охранники заставили меня слезть с фуры и, подталкивая меня, папу и маму в спины, подвели к «кожаному», и приказали остановиться. Дядю Григория они тоже не забыли.

Я прижался к маме, обхватив её руками.

– Кто такие, будете? – по-русски, но с украинским акцентом, спросил главарь, глядя на отца. – И, не дожидаясь ответа, продолжил: «Зачем пожаловали в наши Палестины?»

Затем, опять не дожидаясь ответа, обратился к сопровождающим нас бандэровцам: «Обыскали задержанных?»

Те, потупившись, промолчали. Вместо наших двух конвоиров ответил их старший, сказав, что они обыскали нас и повозку – оружия не нашли.

– Так, кто вы? – вновь повернувшись в сторону папы, обратился главарь.

В разговор неожиданно вступил дядя Григорий. Он, показав на нас пальцем, по-украински, стал многословно объяснять (а я то думал, он молчун!), что мы дальние родственники его двоюродной тётки и, он везёт нас к себе в гости. Потом стал перечислять каких-то своих родственников в этом и других районах...

Совсем выдохшись и вспотев от страха за свою жизнь и, я думаю, за нашу тоже, оглядел окруживших нас бандитов.

...А можэ, после небольшой паузы добавил он, чоловик и його дружина найдуть у нас яку нэбуть працю, та й зовсим зальшатся тут.

Из толпы раздался чей-то грубый голос: «Брэше, сучий сын! Цэ вин москалей везэ до миста! Повисыть його та москалей!» В толпе дружно захохотали.

И тут случилось то, чего никто не ожидал!

Все опешили, я так думаю, от неожиданности.

– Повисыть нас?! – закричала в толпу мама. – Яки мы москали, га?! Вы тильки гляньтэ на того недоумка! Вин зовсим з глузду зйихав! – и такая ярость была в глазах и голосе моей мамы, что вблизи стоявшие бандиты попятнулись от неё.

– Замовчъ, скаженна жинка! – раздался голос нашего «старшего», – нехай твий чоловик шо нэбуть скаже, а то вин усэ мовчить, та мовчить, як той глухонемой.

Все обратили свои взоры на папу.

Он стоял бледный, но в нём не чувствовалось страха. Сжатые кулаки, да ходившие под кожей лица желваки, говорили о большом нервном напряжении, но никак не о страхе перед вооружённой разношёрстной толпой.

– Да, мы едем в этот город, чтобы жить и работать! – заговорил он, не повышая голоса и смотря в глаза тому, в кожанке. Я неплохой механик, и надеюсь, что мы обоснуемся здесь надолго. Григорий, мой бывший сослуживец и дальний родственник, пригласил нас к себе, пообещав работу. Надеюсь, вы меня поймёте? Я должен кормить и одевать семью...

Он ещё что-то хотел сказать, но его перебил голос Степана. Он давно, негодуяще посматривал на своих товарищей.

– Громадяне! Вы мэнэ знаетэ, шоб нэ сбрэхать, пивтора року, – и обведя всех суровым взглядом, спросил, – так, чи ни? Може я брэшу?

– То так, – соглашаясь, раздалось в ответ несколько голосов из разношёрстной толпы.

– Вы хоть едний раз чулы от мэнэ кривду? – снова спросил Степан и, не дожидаясь, что ответят его соратники, продолжил, – я знаю цю людыну ще з вийны. Вин мэнэ зовсим мабуть забув, а я помню! Я роскажую це для того, шоб вы тэж знали, яка вин добра людына. – Ця людына спасла мэнэ вид смэрти у жорстокому бою. Колы б нэ вин – нэ було б мэнэ сэрэд вас! Сгинув бы я, як та собака!

Папа повернулся к говорившему эти слова Степану, долго и пристально всматривался в него, а потом неуверенно проговорил: «Неужели это ты, Степан? Ты очень изменился! Я бы тебя ни за что не узнал, не напусти ты мне прошлое. Как ты изменился Степан...»

Степан дождался, когда отец закончит говорить, и вновь повернувшись к главарю, продолжил: «Пан командир, отпустить йих! Нихай воны йидуть до миста. Цэ добри людыны. Та й

с Гришей вы знайомы. Вин зла никому нэ зробыв, умолял он своего командира. – Будь ласка, пан командир, отпусты йих».

И опять смотря на главаря, с надеждой в голосе повторил: «Нехай соби йидуть до миста. Вони ж тут працювать будут».

Вокруг воцарилась тишина, можно было услышать дыхание рядом стоящих людей. Все молчали – ждали решения главаря. А я плакал от страха. Мне было очень страшно. Я боялся этих угрюмых, заросших волосами лиц, что так неприязненно, исподлобья, смотрели на нас.

Каждый брошенный на меня взгляд пугал до дрожи. И меня пугал лес, который окружал нас, и эти, как норы, землянки. Всё пугало меня!

День клонился всё больше и больше к вечеру, а солнце опускалось всё ниже и ниже. И только его краешек, как-бы на мгновение, зацепившись за верхушки деревьев, чуть-чуть продолжал освещать поляну. А затем вокруг стало всё серым. Из глубины леса потянуло холодом и сыростью.

Все с нетерпением ждали решения главаря: мама с надеждой смотрела ему в лицо. А папа, взяв меня за руку, заглянул мне в глаза и тихо, чтобы никто другой не услышал, прошептал: «Главное в жизни, сынок – ничего не бояться, понял!»

Затянувшееся молчание прервало неожиданное, раздавшееся из глубины леса, ржание лошади, и из просеки показался всадник. Он подскакал к главарю банды и, соскочив на землю, стал о чём-то шептать ему на ухо.

Остальные бандиты насторожились.

Я замер в ожидании чего-то нехорошего, даже слёзы сами перестали литься из глаз.

Выслушав прибывшего всадника, главарь о чём-то поразмышлял, затем, повернулся в нашу сторону и, махнув рукой в сторону просеки, жёстко приказал: «Уезжайте! Немедленно!» Затем, круто повернулся к своим бандитам, и пошёл в сторону землянки с костром перед входом.

Бандиты молчаливой толпой последовали за ним. И только Степан, проходя поблизости, прошептал: «Тикайтэ быстрише! Нэ поминайтэ лихом. – Прости мэнэ командир, так сложилось у мэнэ»

Нас не пришлось долго уговаривать!

Лошади всё ещё стояли не распряжённые, вероятно по забывчивости бандитов, и мы, быстро сев в повозку, не мешкая, пустились в обратный путь.

В просеке уже было темно, но дядя Гриша всё нахлёстывал и нахлёстывал лошадей, стараясь поскорее выбраться из лап такой близкой смерти.

А я, крепко ухватившись за борта фуры, шёпотом повторял сказанные папой слова: «Главное – не бояться! Главное – не бояться!»

УТОПЛЕННИК

Глава первая

Жарко во дворе. Знойное лето нынче выдалось. Даже в тени большой раскидистой груши, что растёт в нашем саду, думаю, будет градусов сорок с лишним. Не спасала от этого пекла и журчащая, прохладная вода арыка, протекавшего через весь наш двор.

В доме тоже стояла такая духота, что дышать нечем.

Мухи и те, прилипнув к стенам и потолку, опасались пошевелить лапками, не то, что там с жужжанием летать по комнатам. Бери мухобойку и хлопай в своё удовольствие.

Куры, вырыв в земле ямки под деревьями, тоже попрятались и, раскрыв клювы, тяжело дышали, наверно думали, что так будет прохладнее.

Ни один листочек в саду не шелохнётся – всё замерло от зноя. Ти-ши-на... жараа...

Дома никого..., кроме меня, конечно, нашей собаки – Цыгана, и живности – коровы Муньки. Родители на работе.

Я лежу в тени груши и листаю книгу. Изредка, ну так... пару раз в час, я переползаю с одного места на другое, следуя за тенью от дерева. Затем, когда уж совсем становится невозможно, иду к арыку и, опустив голову в прохладную воду, тренируюсь на задержку дыхания. Моя мечта – стать водолазом!

Откуда она взялась, такая мечта? – спросите вы. Сам не могу понять. Наш город сугубо сухопутный – до моря-океана тысячи километров, а вот появилась же она – моя мечта!

Наш городской транспорт – верблюды и ослики. Изредка, подняв несусветную пыль, проедет старенький, весь помятый и побитый ЗиС-5 или, что случается чаще, протарахтит допотопная военная полуторка. Она уже давно «отчислена» из армии «по старости» и полной изношенности, и годная лишь для перевозки картошки или дров. Ну откуда, скажите на милость, здесь, в нашем городе корабли, подводные лодки и другая морская техника? Правда, смешно?

В очередной раз опустив голову в воду, я зажал пальцами, как прищепкой, нос и, закрыв глаза, стал считать. В голове, после сказанной про себя цифры – тридцать пять – зашумело, а потом и вовсе зазвенели колокольчики. Когда я сам себе сказал – «Сорок!», голова, без моего личного разрешения, совершенно не подчиняясь моей воле, выскочила из воды. Да..., подумал я огорчённо, нужно больше тренироваться. А то, что же это получается: голова сама по себе, а я так – приложение к ней что ли? Ну, никакого тебе порядка в танковых войсках!

Недовольный собой я вернулся под грушу, чтобы продолжить чтение и изучение ненавистного учебника по арифметике. И всё это из-за мамы..., всё из-за неё! Вот ведь какая хитрая! Все ребята, значит, наслаждаются летним ничегонеделанием, а я – повторяй арифметику и решай задачки! Ну, правда, ведь совершенно нечестно? Разве я не прав?

Она и сегодня, уходя на работу, с какой-то, или мне так почудилось, тайной подковыркой, спросила:

– Ты хочешь стать водолазом?

– Конечно, хочу.

Я так ляпнул, совершенно не подумавши, но сразу почувствовав в её словах какой-то подвох, насторожился.

– Тогда займись арифметикой. Без знания её тебя не примут в водолазную школу.

И когда это я умудрился проговориться о своей заветной мечте? Наверное, во сне.

Однажды папа, при душевном разговоре со мной, так и сказал: «Ты так много разговариваешь во сне, что из тебя никогда не получится разведчик. Все государственные тайны выболтаешь!»

Вот тогда-то у меня, наверное, и появилась мечта стать водолазом. Под водой, сами понимаете, много не поговоришь! Разве что с рыбами? Так говорят, рыбы в воде не разговаривают. Хотя...

Я как-то совершенно нечаянно услышал, как один дяденька сказал другому: «Ты болтлив как селёдка, Гриша. Тебе ничего нельзя доверить!»

Вот так и сказал, честное благородное слово!

Ну, а теперь сами подумайте: кому, скажите, пожалуйста, верить, а?

Только я взялся за учебник и открыл десятую страницу, чтобы повторить решение до зубной боли надоевшей задачки, как со стороны калитки послышался громкий свист, и голосом Вовки Моисеенко, позвали меня:

– Эй! Серёга! Ты дома?

Вовка – мой дружок..., настоящий.... Не какой-нибудь там товарищ, а друг! Мы ходим в одну школу. Только он на целый год старше меня и учится в другом классе.

Залаял Цыган – наша домашняя «сторожевая» собака. Таким именем назвала его мама, наверное, за то, что он весь чёрный.

«Чёрный, маленький, от горшка два вершка, и лайя» – так сказал о нём папа.

Но знаете – Цыган злой до ужаса – это я вам точно говорю! Я ему однажды, для проверки конечно, в рот заглянул, чтобы по цвету нёба определить его злость, так там у него – черным-черно! Я рассказал об этом Вовке, так он знает, что мне сказал – «Раз у собаки нёбо чёрное, значит, она злая, до ужаса!».

Он-то опытнее меня, знает что говорит – у них во дворе аж две собаки!

Наш Цыган при виде чужих у калитки, всегда заливаётся колокольчиком – особенно, когда мама и папа дома. Я так думаю, он хочет этим показать: вот видите, какой я добросовестный пёсик – даром продукты не перевозю.... Интересно, на кого это он намекает?

Я как-то ради интереса понаблюдал за ним. Так вот, он полагает-полагает и оглянется назад, потом передохнёт, и опять полагает. Я-то сразу догадался: он оглядывается, чтобы посмотреть, не вышел ли кто-нибудь из дома, и не пора ли перестать надрываться. А, когда долго не выходят, он начинает пуще злиться и лаять, как-бы намекая – долго мне ещё понапрасну горло надирать, глухие что ли? Выходите мол, я вам тоже не заведенный.

Хит-рю-га, каких поискать! Ох, и хит-рю-га!

Сейчас он тоже старался! Однако от будки далеко не отходил, готовый в любой неблагоприятный для него момент юркнуть в неё, и уже оттуда продолжать лаять.

Я подошёл к калитке, чтобы открыть её, а Вовка уже во дворе – через забор перелез.

– Ты чем занимаешься? – поинтересовался он. – Родители дома или на работе?

Я ещё только приготовился «достойно» ответить, а он, словно пулемёт – Максим, опять затараторил:

– Давай, бросай всё и пошли купаться! Витёк и Колян, наверное, половину дороги уже прошли. Я им сказал, что мы догоним, а если нет, то встретимся на нашем всегдашнем месте.

Здрасьте, пожалуйста! – подумал я, предложение, конечно, очень даже заманчивое, но..., как же Мунька? (Мунька – это наша корова-кормилица). Мне мама строго-настрого наказала, чтобы я накормил её. И ещё, она, помахав туда-сюда пальцем перед моим облупленным от солнца носом, добавила: «Ни в коем случае, слышишь, ни в коем случае! – ещё раз повторила она строго, – не вздумай оставить её без воды. Узнаю! Уши оборву!»

У меня и раньше случались такие промахи. Так Мунька в прошлый раз уже не выдержала наверно, наябедничала на меня. Когда мама пришла с работы и подошла к ней, она как замычит, а потом как заплачет, не как человек, конечно, навзрыд, а молча: из глаз слёзы как покатаются, крупные-крупные, величиной с горошину! Мама обняла её за шею, гладит и приговаривает: «Опять этот бездельник с друзьями целый день на арыке проболтался! Ну, я ему, паразиту, задам!»

Мунька постепенно плакать перестала, и нет-нет, да посмотрит в мою сторону, как-бы говоря этим – «Ну, что, дождался, не будешь меня без воды оставлять. Я ещё не *то* про тебя могу порассказать. Мама ахнет!»

Я, так, чтобы мама не увидела, показал ей кулак, но чтобы она меня окончательно не выдала, решил исправить свою оплошность с водопоем. Пришлось быстренько принести Муньке три ведра воды. Так она, зараза, всю воду выпила до дна и ещё наверно хотела, но мама сказала: «Хватит Мунька, а то лопнешь! Он тебе, попозже, ещё принесёт» – и так это строго посмотрела на меня, что я даже чуть-чуть испугался, что меня накажут. Но, ничего, обошлось!

– Вовка! – говорю я, – мне корову надо накормить, а потом ещё и напоить. Кроме того..., я почесал в затылке..., у меня арифметика под грушей лежит-прохлаждается..., и вообще – я, наказанный! Потом немного подумал и добавил для пушей убедительности: «Мне, к твоему сведению, со двора строго-настрого запретили выходить».

– Подумаешь! Арифметика у него! Впереди ещё половина лета. – Никуда твоя любимая арифметика не денется! – стал уговаривать он меня.

Я, в душе конечно, а не на виду, так надеялся, так надеялся, что он уговорит меня, а я соглашусь пойти с ним. Втайне я даже помогал ему себя уговаривать.

...А за корову не бойсь. Мы корове груш натрясём, пусть наслаждается. – «Ваша корова любит груши?» – продолжал он искушать меня. Мы всего-то на часик сбегает, искупаемся и бегом назад. Твои даже не узнают. Гарантирую! Кто им скажет? Не, ты же? Я-то, точно – нет! Я же твой друг!

Наконец он чуть-чуть прервался, наверное, чтобы набрать в грудь побольше воздуха, и продолжил: «Между прочим, корове тоже хоть раз в жизни груш поесть хочется...»

Последние Вовкины слова, особенно о любви коровы к грушам, сломили моё, не такое уж твёрдое сопротивление. Я был бессилён перед его доводами, как крепость «Измаил» перед Суворовым. Я недавно об этом прочитал в книжке. Ин-те-рес-ная...! – Не читали...? Напрасно.

Мы быстренько залезли на дерево, натрясли груш, а потом я вывел из прохладного сарая Муньку.

Вначале она упиралась: ну, скажите, пожалуйста, какой здравомыслящей корове, так я подумал, когда выводил её, захочется прохладное стойло покинуть, и париться на жаре?

Тогда я сунул ей под нос грушу – она понюхала её, а потом с превеликим удовольствием начала похрумкивая жевать.

Коровы тоже, оказывается, как и люди, любят полакомиться вкусеньким.

А груши-то у нас вкусные-превкусные! Я бы и сам с удовольствием съел ещё пару штук, но было уже некуда их запихивать. Живот и так трещал от переполнения. Я даже иногда слышал, как что-то внутри живота то ли потрескивало, то ли погукивало. В общем, в нём происходил какой-то непонятный для меня процесс пищеварения.

Вопрос с пропитанием коровы, как сказал мой друг, на данный момент мы решили.

Высочив на улицу и заперев калитку, я оглянулся на соседский дом – не заметила ли нас Светка Дмитриева – ябеда и задавака. Мы с ней одноклассники и, однажды, целую неделю дружили, а потом раздружились. Раздружились на «профессиональной» почве, так сказал её отец моему папе.

Ну, что в самом-то деле? Я ей говорю: «Пойду в водолазы! Буду корабли со дна моря, поднимать и, может быть, найду огромный-преогромный клад и тогда на тебе женюсь».

А она сразу же, даже не подумав, не прикинув, ответила: «Зачем мне водолаз! Я лётчицей буду! Полечу вокруг земли и стану героиней!» И ещё нос курносый задрала.

Я, конечно, на неё всерьёз обиделся за такое неуважение к моей будущей профессии, и перестал с ней дружить и даже в гости перестал к ним ходить.

Тоже мне, лётчица! Я же говорю – самая настоящая задавака с конопушками на носу! И Вовка тоже так её обзывает.

Пробежав четыре квартала от улицы Ташкентской, мы с Вовкой выскочили на «Сенной рынок», а там, если ещё немного пробежать – окажешься на берегу Головного арыка – места нашего всегдашнего купания. Товарищей мы, конечно же, не догнали.

Ещё затратили пятнадцать минут на преодоление оставшегося пути, и... мы на месте!

Головной арык берёт воду через затвор из речки Талас, берущей своё начало в горах Киргизии. У Таласа очень холодная вода и быстрое течение, да и находился он в километре, а может в полутора от города. По моему пониманию – далековато. На речку мы ходим только рыбачить, а купаемся мы всегда в Головном арыке. В нём вода теплее и течение не такое быстрое.

* * *

Шириной около пяти-шести метров, он, входя в город, разветвляется на несколько более узких арыков, а в самом городе переходит в сеть узеньких-узеньких арыков, подведённых к каждому двору.

На обоих берегах головного арыка растут пирамидальные тополя и джида. Они дают тень и закрывают нас своей кроной от палящих лучей солнца. Это было наше любимое место отдыха и забав в воде. Это было наше собственное «Море-океан!» Вот только по этому морю-океану не плавали корабли и подводные лодки.

В воде уже барахтались Витёк с Коляном и другие наши знакомые ребята, завсегдагаи этого места.

Увидев нас, они замахали нам руками и на разные голоса, завопили: «Давайте скорее сюда! Вода тёплая, можно купаться! Кра-со-ти-ща! – Вовка, Серёга... ныряйте с берега! Не бойсь, пацаны, прорвёмся! – Не утонем, не умрём и в арыке проживём!»

Мы разделись под тополем и побежали к месту нашего ныряния.

Вовка, заранее разбежавшись, подпрыгнул и с визгом полетел в воду. А я не стал нырять. Что-то заколбасило меня. До сих пор не пойму, что! Может потому, что я ещё очень плохо плаваю? Конечно, это позор для водолаза, но...

А плаваю я только по-собачьи, и только у берега.

В общем, не успев разогнаться для прыжка в воду, я затормозил, медленно, вразвалочку подошёл к берегу, и остановился в раздумье.

– Серёга, ты чего остановился? – крикнул мне Вовка, барахтаясь в воде. – Не бойсь – вода нормальная, тёплая, как парное молоко у Муньки! Ты же умеешь плавать, я видел в прошлый раз...

– Ты чо – трусишь?! – стали кричать остальные.

Я знал, под водой, у самого берега, есть приступочка, по которой мы вылазили из воды, и я решил сначала на ней немного постоять, а потом, с неё же, спуститься в воду.

Поставив на неё одну ногу, я тут же почувствовал какая она скользкая.

Вода была мне чуть выше колена: она была такой прохладной, и такой ласковой, что я от наслаждения закрыл глаза...

Что случилось потом, я как то сразу и не понял. Это случилось в одно мгновение, даже меньше мгновения! Я даже глаза не успел закрыть! Я даже один глаз не успел разморгнуть, не то что подумать или сообразить, или хотя бы немного приготвиться...

Я находился в воде! Даже не так. Я был под водой!

Стараясь не дышать, как у себя дома в арыке, чтобы не наглотаться воды – вот, что значит закалка-тренировка – я всё-таки, зачем-то весь сжался, или мне почудилось, что я сжался, а глаза мои сами по себе вдруг открылись.

Моему взору открылся «богатый» подводный мир арыка, ну, точь в точь, как в кино, в этом, как его.... Вот забыл название, ну... в этом..., да вы же видели его..., про водолазов..., помните? Ещё на той неделе показывали, как они в дыру корабля заплывали. Вспомнили?

Даа..., это вам не то, что дома, в арыке...

Мимо меня проплывала какая-то росшая на дне очень уж зелёная трава. Она покачивалась..., покачивалась, а в ней, словно по улицам и переулкам города, сновали маленькие рыбки и жучки. А огромные лягушки, выпучив от удивления круглые глаза, провожали меня взглядом, и, вероятно, спрашивали друг у друга, что это за чудо-юдо появилось в их владениях.

Почему-то всё это появлялось то с правой стороны, то с левой, а иногда, по какой-то прихоти природы что ли, то вверху, то внизу.

Окружавшие меня картины, медленно вращаясь, то удалялись, то приближались. Всё просматривалось, как-бы через зелёное, чуть мутноватое стекло.

...А вот проплыло подо мной старое, ржавое ведро без дна, а чуть подальше – погнутое колесо от велосипеда. Потом оно почему-то оказалось надо мной – висело в зелёном небе, и не падало...

В голове появился шум, как при счёте – тридцать пять.

А потом..., потом он стал усиливаться всё больше и больше и, наконец, перешёл в звон: такой, знаете ли – типа «Зззззз», и я подумал – Всё! Всё, больше без воздуха я не смогу и, если сейчас же, сию же секундочку не начну дышать, то задохнусь от удушья.

И я стал дышать!

Воздух был такой густой, и с таким трудом наполнял лёгкие, что я, дыша, никак не мог насытиться. Я чувствовал – мне его не хватает! Очень не хватает!

Тогда я стал усиленно дышать, втягивая его всей грудью и со всей силой, которая у меня была. Потом..., потом чувство нехватки воздуха в какой-то миг ушло, и мне стало так тепло и уютно, что глаза у меня сами собой закрылись, и я уснул в покачивающей меня зелёной колыбели...

Глава вторая

Резко, то ли очнувшись, то ли проснувшись, я открыл глаза, и ничего не понял. Почему-то я лежал боком на траве, а вокруг меня толпились все мои друзья и знакомые товарищи. И какой-то чужой дяденька в мокрой одежде (с неё даже вода капала), закрыв глаза и облокотившись рукой о землю, как мне показалось – счастливо улыбался. Я попытался сесть, но какая-то слабость и головокружение мне помешали это сделать.

Первым увидел, что я пришёл в себя, конечно же, Вовка, и он же помог мне сесть.

А дяденька, наверно почувствовав, как я пытаюсь сесть, открыл глаза и ласково, как папа, когда он в хорошем настроении, спросил: «Ну, как, малец, ожил?» А, затем, улыбнувшись, добавил – «Долго жить будешь!»

Я всё ещё ничего не понимал, и в растерянности только «хлопал глазами». На мне была мокрая одежда, и хотя на улице стояла несусветная жара, мне было почему-то холодно.

Дяденька внимательно посмотрел на меня, потом поднявшись на ноги, взял валявшийся чуть в стороне на земле, велосипед (я его, вначале, даже не заметил) и, сказав на прощание: «Пока, пацаны! Вы уж тут поосторожнее... в воде» – покатил по натоптанной вдоль арыка тропинке.

Тут, «пацаны», все разом, как стая потревоженных галчат, загалдели и, перебивая, вспоминая подробности, и поправляя друг друга, стали рассказывать, что же произошло со мной:

Ты стоял на нашей ступеньке, говорил один, а я тебе крикнул, чтобы ты не трусил и лез в воду. Потом я нырнул, продолжал он, а когда вынырнул, тебя уже там не было. Я решил, что ты где-то рядом плаваешь...

А, я видел, как ты нырнул! – перебивая, стал рассказывать другой пацан, и ждал, когда вынырнешь. Ждал-ждал, а тебя всё нет. Решил, что ты хочешь под водой к нам подплыть...

А, я! – вступил в разговор Вовка, случайно увидел, как что-то под водой проплыло мимо меня, а над водой руки торчат и пальцы шевелятся. Я, как закричу пацанам: «Утопленник! Утопленник!» Ну, все, знамо дело, кинулись на берег – продолжил он рассказ – все выскочили, а тебя нет!

По тропинке вдоль берега какой-то дяденька на велосипеде ехал, заговорил, перебивая Вовку, незнакомый мне мальчик, мы кинулись к нему, и стали говорить про утопленника, и показывать руками...

Ага, не бреши, и совсем не так! – перебил его Витёк, – я первый увидел дяденьку, и стал звать его, а то бы он мимо проехал...

Из всего этого гама я, ещё не совсем хорошо соображая, понял только одно: я утонул, а какой-то посторонний человек, проезжая мимо нас на велосипеде, бросился в воду, вытащил меня из воды и откачал.

Откачал – слово-то, какое! Можно подумать, что он включил насос электрический (я видел, как в городе из арыка воду таким качают), и из меня воду выкачивал...

Интересно, сколько же ведер воды он из меня выкачал? Никто же в такой панике не посчитал наверно, а зря. Интересно же, сколько воды вмещается в пацана, такого как я? Вот если бы другого мальчика откачивали, а не меня, я бы обязательно посчитал.

После всей этой кутерьмы с моим спасением и разговорами про то, как я «чуть не утопнул», оставалось только договориться, как так сделать, чтобы мои родители не узнали об этом происшествии.

Ну, общим хором-приговором, мы решили держать язык за зубами!

О продолжении купания разговор никто не заводил. Не раздавался среди нас беззаботный пацанячий смех, и никто безобидно не подначивал друг друга – думаю, все были напуганы произошедшим со мной.

Мы молчаливо распрощались, и также молчаливо, потихоньку разошлись по домам.

Попрощавшись со своими товарищами, мы – двое – тоже пошли домой. Вся одежда на мне была мокрой и грязной, но я надеялся, что она высохнет за время пути домой, а потом я легко её очищу.

Подходя к дому, я услышал обиженное мычание Муньки. Она бессовестно ревела на всю улицу: ещё одна неприятность в лице Муньки, поджидала меня!

Вовка проводил меня до калитки и, пожав мне руку, сказал: «Подумаешь, пару раз ремнём получишь, если проболтаешься!» – и ушёл.

Незаметно скосив глаза в сторону Райкиного дома (её нигде не было видно) я, решив, что хоть здесь мне повезло, грустно вздохнул, и вошёл в калитку.

Быстро напоив корову, я загнал её обратно в сарай, и принялся за чистку штанов. Они почему-то плохо отчищались. Оставались пятна. Тут мне пришла в голову прекрасная мысль-идея, а что если брюки и рубашку намочить в арыке, а потом постирать? К приходу родителей они должны высохнуть, решил я, и быстренько скинул с себя одежду.

Развесив постиранную одежду на солнышке – сушиться – я совсем уж собрался приняться за арифметику, но тут во двор быстрым шагом, почти бегом, вошла мама. Почему-то сегодня она пришла с работы рано, как никогда. Подойдя, ко мне, она прерывающимся от волнения голосом, спросила: «Ты, что, опять без разрешения ходил купаться?!»

Я моментально догадался – кто-то из друзей-товарищей не удержался, и выдал наш секрет!

Оставалось одно – ни под каким «соусом» не признаваться, даже если будут жечь на костре, как Жанну д'Арк. О ней, с восхищением, аж глаза горели огнём возбуждения, как-то рассказал мне Вовка. Не признаваться, и всё – ни в какую! Иначе наказания не избежать!

Сделав честные-пречестные глаза, я ответил:

– Ну, что ты мама! Видишь, я по арифметике задачки решаю, и с обидой в голосе, добавил, – некогда мне по разным купаниям ходить.

– А почему твоя одежда мокрая на верёвке висит? – продолжила допрос мама. – Иии... ты Муньку покормил? А не забыл напоить?

– С Мунькой всё в порядке. Можешь спросить у неё сама. Она врать не станет! – продолжал выкручиваться я, – а одежда...?

Тут я лихорадочно стал придумывать, как по правдивее ответить, и не попасться на врагье. И, наконец, брякнул:

– Это я поскользнулся, и нечаянно упал в арык!

Проговорился! – блескучей молнией сверкнула мысль. Что теперь бу-де-т?!

– В какой арык, – строго посмотрев на меня, спросила мама. – Ты всё-таки ходил на Головной арык?

– Да, нет. Это я в наш..., в наш... арык... упал, – пробормотал я, уже не надеясь избежать трёпки.

Мама, посмотрела на меня внимательно-подозрительным взглядом, и продолжила: «Прибежала ко мне на работу тётя Зина Амосова, ты знаешь её...»

– Это..., которая через два дома от нас живёт? – перебил я маму, уже чувствуя, что гроза, наверное, минует меня.

...Да, она. Она прибежала ко мне на работу и говорит, что ты утонул в Головном арыке, и что ты был там со своими друзьями. Я отпросилась у директора, и вместе с ней побежала домой...

И тут же мне прямёхонько в лоб, как из двуствольного ружья, бабахнула: «Так ты, ходил купаться?!»

Не ожидая такой сильной боевой атаки, я захлопал глазами, и даже как-то, вначале, растерялся. Потом «забрал» себя в руки – я же будущий водолаз – и спокойно ответил: «Ну, что ты мама, какой арык? Я же дома арифметику повторял!»

Вечером, когда вся семья легла спать и ко мне начала подкрадываться сладкая дрёма, из комнаты мамы раздался голос: «Серёжа, признайся! Ты ходил купаться на Головной арык, и чуть не утонул, да? Не будет же тётя Зина придумывать... – Я тебя наказывать не собираюсь, но ты всё же признайся».

– Это..., это другой... мальчик тонул, – покачиваемый лодкой сна, пробормотал я.

– А... ему..., этому..., другому мальчику было страшно? – вновь услышал я донёсшийся издалека, словно дуновение ветерка, чей-то голос.

Уже совсем засыпая, я прошептал: «Так страшно, так страшно. Там такие огромные, пучеглазые лягушки...»

ЛЁНЧИК

*Та тут чудасія, мосьпане!
(Из малороссийской комедии)*

Лёнчик лежал, укрывшись с головой одеялом, сдерживал дыхание и боялся пошевелиться. Его разбудил скрип. Он прислушался. В комнате продолжал кто-то ходить и, то ли половицы под ногами, то ли ещё что-то, но продолжало скрипеть: скрип-скрип-тру-шшш-скрип..., и опять – скрип-скрип-тру-шшш-скрип....

От неудобной позы что ли, но правая нога вдруг зачесалась, потом зачесалась шея, потом засвербело в носу, да так сильно, что Лёнчик, как не пытался сдержаться и не чихнуть (он даже рот осторожно зажал ладошкой), всё же чихнул, и тут же испугался, а вдруг тот, кто ходит поскрипывая по комнате, услышал? Он чуть-чуть стянул одеяло с уха и опять, ещё внимательнее прислушался: нет, скрип продолжался всё в том же ритме: скрип-скрип-тру-шшш-скрип.

Кажется, не заметил и не услышал как я шевелюсь, с облегчением подумал Лёнчик и, поднабравшись храбрости, как учил его папа, открыл один глаз, и тут же испуганно быстренько зажмурил. В комнате было темно, но даже в темноте, того, который скрипел, он успел увидеть.

Он зажмурил не только глаз, который он открыл, но и тот, который не открывал: зажмурил оба глаза сразу. И так сильно зажмурил, что где-то внутри глаз засверкали огонёчки, разноцветные, как на их новогодней ёлке, которую они всей семьёй только вчера украсили. Красиво-то как, успел подумать он и хотел получше рассмотреть их и сравнить, но не успел – огонёчки потухли! Жалко, вздохнул он про себя, и вновь прислушался.

Скрипучие шаги стихли. Лёнчик насторожился: неужели тот, кто ходит, всё же услышал, как он чихнул или открыл глаз, и поэтому сейчас стоит рядом с ним и смотрит на него?!

Неожиданно Лёнчика охватила дрожь, как от холода, а потом ему стало жарко, так жарко, как в бабушкиной бане, и он покрылся потом.

Ну, всё, пропал! – решил он и стал ждать своего *конца света*, о котором часто говорила бабушка. А *конец света* всё не наступал – в комнате стояла напряжённая тишина.

Подождав ещё немного, Лёнчик опять открыл глаз, не тот, который он до этого открывал, а другой: тот, который скрипел, сидел на стуле и не шевелился.

Тогда, опять осмелев, Лёнчик открыл оба глаза и стал исподтишка наблюдать за сидевшим, и сравнивать его: с папой, с мамой, с бабушкой и даже со старшей сестрёнкой Веркой. Верка, такая зараза и ябеда! – обиженно вспомнил он сестрёнку: она часто его пугала, особенно, когда родителей не было дома, а бабушка «точила лясы» у соседки в гостях. Может это они хотят напугать меня, подумал он, продолжая прислушиваться и подглядывать.

Тараща глаза в темноте, Лёнчик опять осторожно присмотрелся – нет, на них он не похож, решил он, и ещё больше испугался. Этот, который сидел на стуле, был похож..., похож..., на кого-то..., – кого? – спросил сам себя Лёнчик и тут же сам догадался – он был похож..., он был похож... на деда Васю – сторожа ихнего магазина, только без ружья – вот на кого он был похож!

Он пришёл мне уши драть за стену магазина, которую я заляпал грязью! – опять испугался Лёнчик.... Но, я же нечаянно, я же в Вовку метил, хотел он сказать, но не насмелился – было ухх, как боязно! Потом он ещё подумал, что деда Вася без маминого разрешения, да ещё и у них в доме, ему уши драть не посмеет.

Лёнчик было совсем уж собрался успокоиться и, повернувшись на другой бок, уснуть, как тут в комнате что-то загудело, потом стало посвистывать и опять гудеть. Деда Вася как-то странно зашевелился, замахал руками, потом хлопнув, открылось и закрылось окно и стало

так страшно, так страшно, что Лёнчик не выдержал, и, с криком: «Маа-маа!!! Маа-маа!!!», выскочил из-под одеяла и стремглав, бросился в комнату родителей.

МАЛЕНЬКИЙ НЫРЯЛЬЩИК

*...Хмурое небо над нами, И чайки летят над волнами...
(Песня из к/ф)*

Причал плавился от жарких солнечных лучей. Корабли, баркасы и шаланды, опустив паруса-крылья, застыли в сонной полдневной неге. Лишь *кули*, с огромными корзинами полными сои, на головах, и мешками с рисом на плечах, словно муравьи, устало шагая цепочкой, разгружали и загружали суда. Среди них были: малазийцы, китайцы и негры, с головами, покрытыми иссиня-чёрными кудрявыми волосами и с огромными губами, меж которых белела полоска крупных, белых-белых зубов.

В этой сонной, застывшей в плавящемся воздухе тишине, слышны были лишь их хриплое дыхание, размеренные шаги, под которыми, слегка дрожа, прогибались сходни, да раздавался окрик или щелчок хлыста надсмотрщиков.

Даже чайки, одурев от полдневной жары, не носились с криками над морской гладью, а важно задрав головы, плавно покачивались на чуть заметных волнах.

Недалеко от снующих полуголых грузчиков, среди горы пустых ящиков и бочек, опустив ноги с деревянного пирса, сидел и с интересом наблюдал за игрой маленьких рыбок в зеленоватой воде мальчик.

Рыбки, словно играя, поблескивая чешуёй, сновали взад и вперёд, взмывали вверх или ныряли вниз, а то, неожиданно, всей стайкой устремлялись в тень причала.

Мальчик, словно замороженный, не шевелясь, ожидал их возвращения, и они, также неожиданно, как исчезали, вновь появлялись из сумрачной тени. При их появлении лёгкая, чуть заметная улыбка, освещала его чумазое лицо.

Ему можно было дать лет семь-восемь, не больше. Тёмно-коричневый цвет его худенького загорелого тела прикрывали самодельные шорты из мешковины, а на голове красовалась старая китайская рваная шляпа из рисовой соломки, с обвисшими полями и выдранном верхом, в прорехе которой видны были светлые волосы.

Он сидел на самом солнцепёке и, по-видимому, совершенно не беспокоился об этом. Глаза его были прикованы к мельтешащим в воде рыбкам.

Что так заинтересовало его в их, казалось бы беспорядочном движении, постороннему наблюдателю было бы непонятно. Он понял бы, если бы сумел заглянуть через плечо мальчика, но наблюдателя рядом не было – мальчик был один, а *кули*..., работавшие в ста пятидесяти-двухстах ярдах – у них были свои заботы.

– Диего Феррер, ты опять бездельничаешь?! – послышался строгий, недовольный голос.

Мальчик вздрогнул и, медленно обернувшись, исподлобья кинул взгляд в сторону окрикнувшего его.

Из-за угла покосившегося пакгауза вышла девчонка лет восьми – босиком, стройненькая, в ярко-цветастом сарафане и с непокрытой головой, она была похожа на яркую южную бабочку. В её огромных, цвета зелёного ореха глазах, плескался смех.

...Ну, как, испугался? – продолжила она и, не дойдя до мальчика шагов пять, остановилась.

– Ннет. Ноо, что ты тут делаешь, Мария-Пиа? – поинтересовался мальчик и сноровисто поднялся на ноги.

– Мама ищет тебя. Ты обещал ей наносить воды для стирки, а тебя всё нет и нет, вот я и пришла сюда искать тебя. Ты, если не с отцом и братом в море, то обязательно здесь, словно ждёшь кого-то... – Ой, чуть не забыла, отец сказал, чтобы ты подготовил лодку к завтрашнему походу в лагуну.

- Ааа, Освальдо. Он, что, калека? – не ответив на тираду девчонки, спросил он.
- Не калека. Но ты же знаешь этого великовозрастного лентяя, маменькиного сынка...
- Он твой старший брат, а ты о нём так.
- Всё равно он лентяй, хоть и старший, ии... понимаешь, он же наследник отца в лавке. Мальчик приблизился к Марии-Пиа, и улыбка чуть осветила его загоревшее лицо
- Чем это ты так увлёкся, Диего?

Девочка подошла к краю причала, и чуть наклонившись, любопытствуя, посмотрела вниз.

– Ооо! Какие красивые! Ты на них смотрел, да, Диего? – воскликнула она, восхищаясь резвой игрой рыбок.

– Да. Осторожнее Мария-Пиа, ты можешь упасть! – мальчик поспешно схватил девочку за руку.

– Отпустите меня Диего! Неприлично хватать даму за руку без разрешения! – попыталась она вырвать руку.

– Хорошо, хорошо, только давай отойдём подальше от края.

– Я подчиняюсь Вам, Диего Феррер, но только потому, что вы сильнее меня, – возмущённо произнесла девочка, и отошла на пару шагов от края пирса. – Так мы идём? – строго спросила она и, не оглядываясь, направилась в тень пакгауза.

* * *

Ветхая лодчонка со спущенным парусом, слегка покачиваясь от лёгкого бриза, стояла посредине лагуны. На месте, по-видимому, её удерживал якорь. В лодке находились двое – дочерна загоревший пожилой мужчина, скорее старик, с резкими чертами лица и седыми неухоженными волосами на голове, и мальчик, почти юноша, лет четырнадцати-пятнадцати, точная копия мужчины, только волосы на голове были цвета воронова крыла.

Мужчина, попыхивая коротенькой трубкой-носогрейкой, вольготно расположился на кормовой банке, а мальчик, склонившись за борт, держал в руке просмоленную верёвку и слегка подёргивал её.

– Освальдо, не дёргай верёвку, ты ему мешаешь, – лениво пробормотал старик, протирая грязной тряпицей заслезившийся, вероятно от попавшего в него дыма, глаз.

– Ничего, отец, пусть пошевеливается.

– Мне кажется, ты несправедлив к нему Освальдо. Он добывает раковин и кораллов больше тебя, хотя и лентяй... несусветный.

– Ничего подобного отец, мои раковины и крупнее и...

Диалог мужчины и юноши прервал появившийся из тёмной глубины лагуны светлоголовый мальчик. Схватившись за борт лодки обеими руками, он несколько раз вдохнул и выдохнул воздух, пару раз кашлянул, словно прочищая лёгкие, и лишь потом, повозившись у пояса, забросил в лодку сетку наполненную раковинами-жемчужницами.

– Ты, бездельник! – закричал на него находящийся в лодке мальчик, – жрать, так первый, а работать... Мы тебя кормим, одеваем, а ты... не мог побольше раковин собрать?

– Здесь почти нет раковин, – всё ещё тяжело дыша, стал оправдываться маленький ныряльщик. Здесь уже всё выбрали... Надо другое место искать.

– Поучи нас, сопляк, поучи, – вступил в перепалку мальчишек старик, – возвращайся назад и собери полную сетку раковин.

– Дядя Хуан, я очень устал, пусть Освальдо...

Но он не успел досказать свою просьбу. Старик, схватив весло, ткнул им в мальчугана и закричал:

– Лентяй! Бездельник! Ныряй сейчас же, иначе я тебя изобью!

Мальчуган, обиженно засопев, несколько раз вдохнул и выдохнул воздух, схватил уже опорожненную сетку, и вновь погрузился в глубину.

– Я же говорил тебе отец, что этот Диего...

– Заткнись!

В лодке на несколько минут вновь воцарилась тишина, только изредка прерываемая покашливанием курильщика.

– Отец, – нарушил молчание Освальдо, – что-то его долго нет, как бы...

– Долго, долго, – ворчливо отозвался мужчина. – Сколько долго?

– Я шесть раз по тридцать отсчитал и...

Отец на мгновение задумался. Вынув трубку изо рта, он что-то стал шептать про себя. Губы его зашевелились, и Освальдо расслышал – «Шесть раз по тридцать... это...»

– Чего рот раззявил, тащи этого ублюдка! – закричал старик на сына.

Освальдо, встав на ноги, быстро стал выбирать руками верёвку.

Наконец из воды показалось безжизненное тело мальчугана.

Отец и сын подхватили его и, вытащив из воды, положили на дно лодки. Мужчина, наклонившись над неподвижным телом, умело начал делать искусственное дыхание.

Усилия его не пропали даром. Вскоре мальчик закашлялся – изо рта его выплеснулась вода и он, несколько раз судорожно вздохнув, открыл глаза.

Перекрестившись и пробормотав молитву, мужчина вернулся на своё излюбленное место.

– Освальдо, пусть он отдохнёт, а ты, чего время терять, бери сетку и ныряй.

– Ладно, отец.

* * *

Солнце уже начало катиться к закату, когда они закончили свои погружения. Улов был так себе, и мужчина, ворча, приказал отправляться домой.

Он бы ещё задержался на какое-то время, но под толстым слоем воды уже ничего нельзя было рассмотреть, и их погружения за раковинами были бы бесполезны.

Отец мальчишек был недоволен сегодняшним днём – это было видно и по его мрачному лицу, и по раздражённому ворчанию.

Диего, сжавшись в комочек и дрожа от холода и слабости, сидел на носовой банке, а Освальдо управлял парусом.

Лодка, из-за слабого ветра, еле двигалась, оставляя за кормой лишь слабый, чуть фосфоресцирующий след, и они, уже в полной темноте быстро наступившей южной ночи, причалили к берегу.

Их никто не встречал. На берегу было пустынно и тихо. Луны не было, но всё небо было усыпано яркими крупными звёздами, среди которых выделялся своей яркостью Южный Крест. Лишь иногда эту расслабленную тишину и покой нарушал бестолковый лай заскучавшей собаки в чьём-то дворе.

Собрав со дна лодки раковины, мужчина и двое мальчишек, привязав лодку, забрав вёсла и полупустую сетку с раковинами, словно сгустившиеся тени направились домой...

* * *

Пять-шесть месяцев тому назад новенькая белоснежная бригантина, распустив все паруса, резво бежала по ночной морской глади. Ветер дул фордевинд и ничто не мешало капитану – хозяину этой великолепной прогулочной яхты, пану Ладиславу, наслаждаться управлением.

Яхта была построена на Гданьской судовой верфи по его специальному заказу, и обошлась не в одну тысячу злотых.

Как только корпус яхты сошёл со стапелей, так пан Ладислав и размечтался, и загорелся о дальних морских путешествиях. Он, со своей женой Катаржиной и шестилетним сыном

Михаеи, решил совершить путешествие аж до самого Херсонеса. Как он, вроде бы шутя, говорил жене – «Чтобы бригантине дать море понюхать и самому молодость вспомнить».

Будучи молодым и богатым наследником, он закончил навигацкую школу в самом Санкт-Петербурге, и искал, где бы применить свои знания. А как построил яхту, так и загорелся желанием к морскому путешествию.

Жена не стала перечить ему и, скрепя сердце, согласилась на его странное предложение, хотя и побаивалась огромных водных пространств. Она даже не решалась купаться в домашнем бассейне.

Но пан Ладислав убедил её, что прогулка будет не опасной – бригантина добротная, ей любой шторм не страшен, говорил он, а сам он, хоть и молодой, но умелый капитан, и задорно улыбался, произнося несколько хвастливо слова.

И, действительно, так и случилось. Даже переход через Бискайский залив во время сильного шторма не причинил ни бригантине, ни ей с сыном, никакого вреда, и она, окончательно убедившись в прочности яхты, поверила словам мужа, и теперь уж совсем успокоилась.

Они посетили Францию, с её знаменитым собором Нотр-Дам, Нидерланды, Бельгию, насладились видами Мадрида с их пышным королевским двором. Были приглашены на обед к самому королю, и всё это, вкуче, оставило в их душах неизгладимое впечатление.

* * *

Панна Катаржина, с удобством расположившись в кресле кают-компани, быстро орудуя спицами вязания, говорила своей доверенной служанке Зосе: «Ах, Зося, если бы ты могла оценить всю ту красоту, что я видела, ты бы отдала за неё жизнь...!»

На что та отвечала: «Панна Катаржина, ну куда мне, с моим-то сермяжным происхождением оценить то, о чём вы говорите. Я-то дальше нашего Ростовского собора никуда и не выбиралась. Мне и на яхте хорошо».

...Ах, Зося, глупая ты, продолжила панна Катаржина с всё понимающей улыбкой на лице. Она догадывалась о причине отказа Зоси покинуть яхту – ей приглянулся молодой матрос.

Говоря с горничной, она всё искала взглядом сына, а не найдя его рядом, чуть побледнев, встревожено спрашивала:

– Зоська, где паныч Михай?

– Только что тут были, – отвечала та с испугом.

И они, обе, подхватив юбки, бежали на верхнюю палубу искать молодого паныча. А тот уже был или рядом с отцом за штурвалом, или помогал матросу плести снасть для паруса.

Найдя сына, панна Катаржина успокаивалась, бледность покидала её лицо и, прижавшись к мужу, ласково говорила:

– Посмотри Ладислав, какой у нас сын красивый и умный – настоящий шляхтич.

– Да, – отвечал муж, целуя жену, – он уже сейчас неплохой юнга, а подрастёт, станет настоящим капитаном, ей богу.

– Так, дорогой, так. Но всё же я боюсь за него.

– Не бойся любя моя, Всё у нас будет хорошо, вот увидишь.

* * *

Сколько бы путешествие ни продолжалось, а и оно имело свой конец. Вскоре они прошли Гибралтарский пролив, и вошли в Средиземное море.

По-видимому, судьба устала о них заботиться, или решила устроить для себя небольшой перерыв, а может просто решила испытать пана Ладислава и его жену на «крепость».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.